

Валентин Вишняков

Подумаешь , попал

приключенческое фэнтези

16+

Валентин Вишняков

Подумаешь, попал

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вишняков В. Г.

Подумаешь, попал / В. Г. Вишняков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Герой этого романа фэнтези в результате несчастного случая попадает в параллельный мир в тело молодого парня, командира взвода одного из полков, находящихся в Белоруссии перед самой войной. Он быстро вживается в новое тело и даже почти забывает, что Виталий Кропоткин - это не он. Благодаря тому, что этот мир мал, получает звания и награды, но тут же попадает в нелепые, а порой опасные ситуации, из которых ему помогают выбраться приобретенные друзья... В некоторых эпизодах книги герои выпивают, жизнь тогда была такая. Конечно, лучше обойтись без этого. Пример тому - генерал Горбатов который не пил и не курил, несмотря на то, что в жизни ему пришлось многое испытать.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	37
Глава третья	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пролог

Мы ехали с рыбалки, до города еще оставалось километров пять, вот только минуем пригородный поселок. Мишка, сидя за рулем оживлено о чем-то говорил, наверное о прошедшей рыбалке, ему опять повезло, он взял карпа кило на три, который в процессе его болтовни уже подрос до пяти килограммов. Мишку ничуть не смущало, что рядом сидит свидетель его удачи, ведь факт есть факт карпа он поймал, вот только, вот только во время пути рыбка немного смогла подрасти.

– Что это, – Мишка вдруг вскрикнув нажал на газ, старая нива, до того не спеша катившая через поселок, рванула вперед. Все казалось, как в замедленной кино съемки.

Остановка рядом с детским садом, толпящийся народ, с детьми ожидавший рейсового автобуса и летящий на них КамАЗ, за рулем которого не было никого. Крик Мишки.

– Прыгай Сергей.

Не знаю, успел бы я выпрыгнуть из машины, но бросать друга одного.

– Давай. Последнее что я выкрикнул.

Мишка крутанул руль, страшный удар, резкая обрывающаяся боль и темнота.

КамАЗ буквально в трех метрах от людей, после столкновения с нивой ушел чуть в сторону снеся урну возле остановки, врезался в дерево.

Глава первая

Очнулся я от того, что меня кто то тряс.

– Витёк проснись.

Голос постепенно прорывался в моё сознание, какой к черту Витёк, причём здесь я.

Но от меня не отставали.

– Командир зовет.

Командир, какой командир. Я, наконец, пересилив себя, встал с кровати, а именно на ней я и лежал.

Здоровенный парень, в гимнастерке который усилено, тряс меня, увидев, что я открыл глаза, оторвал от моего плеча свою могучую лапищу.

– Ну, здоров ты, спать, – сказал он, тебя к ротному вызывают.

Так что быстрее одевайся и к нему.

Я окончательно пришел в себя и недоуменно уставился настоящего перед домной солдата. Нет, похоже, я ещё сплю. Я встал, потянулся и огляделся.

Уже почти рассвет и казарма, рассчитанная примерно на роту, была перед домной.

И так я, какой то Витек. Рядом крупный парень в военной форме погон нет, в петлицах треугольники младшего сержанта, обращение фамильярное как к равному себе.

Значит я тоже сержант, впрочем, это можно было предположить. Кровать моя была одинарной,

как и еще две, остальные были двухъярусные и в них спали солдаты. Чтоб окончательно прийти в себя, я начал не спеша одеваться.

Будивший меня сержант, вышел из казармы, и его шаги затихли в коридоре.

Я не ошибся взятая с табуретки гимнастёрка, имела петлицы старшего сержанта. Треугольники были новые, очевидно недавно прикрепленные значит, я как минимум

замком взвода. И так бриджи сапоги яловые начищенные до блеска кожаный ремень офицерский. Очевидно всё- таки армейская служба не пропала даром последний раз

портянки наматывал лет двадцать пять назад, когда на месяц попал в «партизаны». Вроде всё нет кровать. Бегло глянув, как заправлена соседняя койка, привел

за полминуты свою кровать в подобный вид. Ощупал карманы гимнастерки, нашел комсомольский билет, куда же без него.

Кропоткин Виталий Викторович 1918г. – Член с 1938г. Солдатская книжка старший сержант

сверхсрочник 125 полк пехота. Командир взвода, а вот это интересно, оружие за мной был закреплен наган, а ещё я числился командиром легкого танка БТ-7. Надо было торопиться.

Я вышел в коридор не широкий не длинный, он упирался еще в одну дверь. Посредине стояла тумбочка, возле которой отирался дневальный.

Вдоль стенки тянулся ряд пирамид, в которых расположились винтовки и пара пулемётов Дегтярёва. Рядом с дневальным красовался пулемёт максим на колесном станке и пара ящиков, очевидно с боеприпасами. Увидев меня, дневальный вытянулся, но я махнул рукой давая понять, чтоб расслабился. На тумбочке красовался обыкновенный старого вида заводной будильник, показывающий время полшестого значит скоро

подъём, может так и надо вставать раньше солдат. Но что дальше, какой распорядок зарядка, умывание, завтрак, а потом. Может распорядок, как положено, висит на стене, но нет. Кое- что на стене действительно висело, портрет Сталина попробуй его не узнай и чуть ниже него боевой листок. Так постой, меня требует командир роты к себе, а я тут прохлаждаюсь.

– Боец, командир у себя, – спросил я как бы, между прочим, оглядывая дневального.

Тот опять вытянулся и сообщил. – У себя товарищ старший сержант.

И скосился на дверь в конце коридора.

– Ясно. Я пошагал к двери и постучался.

– Войдите, – раздался прокуренный с хрипотцой голос.

И я вошел. Нечего особенного я не увидел. Небольшая комната ближе к окну, стол за ним сидел молодой черноволосый офицер, с петлицами старшего лейтенанта.

Так офицерами они станут позже, а сейчас командиры.

– Товарищ старший лейтенант, старший сержант Кропоткин прибыл.

– Садись князь. Лейтенант улыбаясь, указал мне на один из стульев напротив себя.

Я машинально сел, «князь» нечего себе обращение, с чего бы это. Может все-таки я сплю.

– Тут такое дело Виктор. Продолжил старший лейтенант. Нужно съездить в полк, а до него, сам знаешь не близко, прибывает пополнение, надо забрать.

Старший лейтенант закурил и продолжил. – Старшине, не когда, Свинцов сам знаешь в отпуске, а Воронцов только что, загремел в больницу.

Старший лейтенант указал на стоящий, на небольшом сейфе телефон.

– Жена его звонила, аппендицит у него.

Я встал. – Надо так надо, товарищ командир.

– Брось Виктор, – старший лейтенант махнул рукой. – Не сегодня – завтра, придет приказ на присвоение тебе звания младшего лейтенанта. – Так что готовь кубари, а все политрук будь он не ладен. Расстарался, хорошо хоть сейчас на курсы попал месяц не увидим. – Докопался до нас видите ли, в 125 полку зреет контрреволюционный заговор. В отдельной роте, командиры сплошь князья и графы собрались.

Мне надо было больше узнать, о том, куда я попал. Ведь даже как зовут старшего лейтенанта, я не знал. Что делать? Прикинуться внезапно заболевшим и разыграть потерю памяти, ерунда. Подать рапорт о выходе в запас, но похоже, этот Кропоткин совсем недавно сделал наоборот, остался на сверхсрочную службу. Надо импровизировать.

Я, рассмеявшись спросил?

– Командир тебя больше по этому делу теребили, а я что, простой сержант.

– Ну да, ваше сиятельство, вы ведь больше в комендатуре просидели, а нас туточки допрашивали следователи, а потом некогда было, толком поговорить всего неделя прошла.

– Ну, в общем, как только тебя взяли под белы ручки началось.

Примчался дивизионный комиссар, с ним пара следователей из особого отдела. – Ведь ты тут отморозил, когда наш политрук спросил на комсомольском собрании, о твоём происхождении ты и ляпнул из князей. Что тут началось, политрук прям кипятком, исходил. Собрал всех командиров, коммунистов, как так он всего лишь месяц у нас, а уже нашел врага народа.

– Вот вы товарищ Воронцов были непосредственным командиром у этого классового врага, и должны были внимательно изучить биографию подчиненного тем более, когда он изъявил желание остаться на сверхсрочную службу, ну и что, что он воевал, ах он награжден.

Старший лейтенант внимательно посмотрел на меня.

– Кстати ты чего медаль не носишь, приказываю носить, в роте только ты награжден и воевал.

Я кивнул головой соглашаясь. В это время дневальный гаркнул. – Рота подъем!

Мы встали. Сиди, буркнул старший лейтенант, сам же приоткрыв дверь крикну.

– Рота по распорядку, Федоруку готовить машину к поездке, да и старшину ко мне.

Сам снова усевшись за стол, стал, перебирая кое какие бумаги, продолжил.

– Так вот политрук вдруг как вскочит. – Глядит, на нас такими глазищами, как на врагов народа.

– Все ясно! И кинулся в дверь.

Потом на следующий день стало ясно, куда он рванул, взяв без спросу машину.

В политотдел округа. Приехали из НКВД забрали тебя, начали допрашивать нас, оказывается этот бдительный сыщик, раскрыл заговор. Как же целое дворянское гнездо.

Егор Воронцов, а не из тех ли он графов Воронцовых, что угнетали народ строя себе дворцы по всему черноморскому побережью. А командир роты Сергей Владимирович Корнилов, конечно близкий родственник того Корнилова, что кровью залил весь юг России. Комроты горестно усмехнулся. Целую неделю нас мурыжили, пока проверяли и удостоверились, что комвзвода Воронцов из семьи потомственных рабочих, что вся моя семья крестьяне, родом из деревни Корниловка.

– Все это время политрук гоголем ходил, выпрашивал солдат о нашей контрреволюционной деятельности. – А потом вдруг сник, имел продолжительный разговор с дивизионным комиссаром. Следователи из особого отдела, не чего не объясняя уехали.

Политрук Гольц старался нам на глаза не попадаться, особенно как привезли тебя в новенькой форме, но всего в синяках. Наш фельдшер опасался, что у тебя могут быть поломаны ребра и рекомендовал постельный режим, но через несколько дней, ты уже занимался своим взводом и обкатывал роту танком.

Видно все-таки досталось мужику, подумал я, раз я на его месте, но дышалось вроде бы свободно впрочем, нет худа без добра, есть повод закосить мало ли что могли отбить у меня следователи из НКВД, по первой не чего, а потом раз и последствия появились.

Я уже поспокойней слушал старшего лейтенанта.

– С тобой поступила сопроводилка, улыбнувшись, продолжал тот, да Виталий Кропоткин, из тех самых Кропоткиных, что поддержали революцию, но рекомендуется ему не всех посвящать в это поскольку есть лица не знающие, что князь Кропоткин был пламенным революционером, пострадавшим от кровавых рук самодержавия.

Вот тут я вспомнил, что некто князь Кропоткин, был основателем движения анархистов и в какой то мере сотрудничал с большевиками, в самом начале революции, что потом с ним случилось, не знаю вряд ли, что то хорошее. То, что Виталий его родственник

это да, вряд ли прямой наследник ,иначе ротный политрук сам загремел бы за контрреволюцию.

Стук, и в дверях появился старшина. Он был лет сорока, типичный прапор из анекдотов. Это не значит, что он плохой человек.

– Вызывал?

– Проходи Афанасий Петрович, пригласил ротный. – Тут вот какое дело, старший сержант едет за пополнением вернётся только, наверное, к завтрашнему вечеру.

– Так что давай, сух паёк на сутки, человек на двадцать.

– Сделаем, кивнул старшина.

– На чем едет?

Ротный задумался, полуторка или ЗИС.

– Мне ЗИС на завтра очень нужен, – забеспокоился старшина. – Мне ещё на склад надо ехать продукты получать, а завтра суббота, завсклада до обеда только будет.

– А Федорчук, какую машину готовит?

– Так я ему сразу сказал, Леха бери полуторку.

– Хорошо. – Старший лейтенант отпустил старшину и взял со стола бумаги.

– Вот тебе командировочная, этот пакет отдашь в штабе полка, там получишь указание на этот месяц.

Я взял бумаги и глянул на дату, чуда не произошло, 20.июня 1941г.

Но я еще не знал, где нахожусь, может в какой-то русской глубинке, но в командировочном листе. Значился Белосток. Белоруссия, что я знал об этом

то, что всем частям под Белостоком будет котел, и все.

– Ну, давай сержант командировка на всякий случай будет, на три дня, всё – таки на выходной выпадает. Ротный снова углубился в бумаги.

– Разрешите взять личное оружие.

Старший лейтенант посмотрел на меня и произнес, боишься бандитов, хорошо тем более часть пути вдоль леса, а там я слышал, постреливают.

Я вышел из кабинета мысленно, так назвал комнатку и увидел младшего сержанта, дежурного по роте. Как его зовут, я не знал. По званию обращаться глупо, похоже, мы немного были приятелями, ведь называл он меня Витек.

Он обратился ко мне сам, почти шепотом.

– Слушай друг, ты ведь знаешь, у меня в воскресенье день рождения, а ты в городе будешь, возьми пару бутылок беленькой, вот деньги он полез в карман.

– Не надо остановил я его. – Возьму на свои деньги. Говоря, я почти не сомневался, что вряд

ли мы будем праздновать его день рождения. Как тебя будем теперь величать, спросил я его полусуто.

Парень улыбнулся. – Михаилом Потаповичем.

Я чуть не рассмеялся. Вот что Миша, ротный приказал нам ехать с оружием.

– Нет проблем. Дежурный достал из тумбочки журнал, ваш автограф.

В графе выдача оружия, я записал свою фамилию и расписался.

Михаил тем временем, отпер один из ящиков и достал кобуру, в ней наган.

Я сгреб, две упаковки с патронами.

– Зачем тебе столько?

– Ротный сказал, по лесам постреливают. – Да, Федорчуку тоже полный боекомплект.

Вооружить водителя было отсебятиной, но вряд ли ротный будет возражать.

Тут появился водитель. – Нам бы в столовку, обратился он ко мне.

– Хорошо Федорук, но сперва вооружись.

Тот пожал плечами, взял из пирамиды свой карабин, СВТ заметил я, их было среди винтовок всего три, когда он расписался. Дежурный сунул ему подсумки с обоймами.

– Подожди меня. – Я пошел в казарму, она была пуста, солдаты очевидно ещё не вернулись с пробежки, или чего там у них запланировано.

Моя тумбочка, как командира взвода, стояла обособлено, возле моей кровати. Одна, для одного. Сперва вытащил ящичек и достал несессер с опасной бритвой. На коробочке написано, что то непонятное на латинском языке. В коробочке, сама бритва, помазок, на крышке небольшое зеркальце.

Я, наконец- то увидел своё лицо, симпатяга парень. Уже неплохо. Коробочка, а в ней медалька, памятуя приказ ротного, прицепил на грудь. Теперь кроме комсомольского значка и Ворошиловского стрелка, что то значимое. Знать бы за какие заслуги, Виталик получил её, ясно что за финскую войну. Наградную книжку тоже в карман документ, туда же кошелек, купюры имелись, мелочь по привычке сунул в карман бридж, в самой тумбочке взял вещь мешок, на полочке мыльницу, одеколон тройной, сунул в вещь мешок, ни тапочки не

пару книжек не стал трогать. Да, снял со спинки кровати вафельное полотенце.

Федорчук переминаясь, стоял на крыльце, за спиной у него, висел карабин.

Я же пристраивал кобуру с наганом на ремень. Федорук посмотрел на меня.

– Зачем они нам, сколько раз ездил, оружие не брал.

– Ротный сказал неподалёку, милицию обстреляли, даже кого – то ранили, соврал я.

– Тогда понятно. Федорчук вздохнул.

– Ну, пошли, покушаем, сказал я, приглашая Федорука идти вперед.

Столовая оказалась за углом казармы. Стояла полевая кухня, ещё дымя трубой.

Длинный навес, под которым тянулся такой же сколоченный с досок стол, вкопанные скамейки, с двух сторон.

Федорчук потопал к одиноко завтракавшему дневальному, а я направился к снимавшему пробу ротному. Один из помощников повара, который вместо пилотки выделялся белым колпаком на голове, тут же увидев меня поспешил поставить ещё одну тарелку гречневой кашей с мясом. Я присел, взял ложку потянулся за хлебом, тот был белым, все отличие от солдатского пайка. Я видел как второй помощник повара, раскладывал прямо на столе, нарезанные буханки серого хлеба.

– Долго собираешься, – буркнул старший лейтенант. – Впрочем это, даже хорошо.

– Зачем ЗИС гонять, все равно впустую идёшь, завезёшь смену караула на склады.

– А то уже отделение Звягенцева неделю там кукует, назад пешком дойдут полезно, всего двадцать километров.

– Хорошо, – прожевав сказал я. – Что еще?

– Ну глянешь мельком, всё ли там в порядке, удружили поляки с этими трофеями, и главное зачем они нам, всё там со времён царя гороха, сперва наши в мировую бросили своё старьё, потом немцы добавили то что наши ещё побросали, когда фронт после революции рухнул, ну а затем поляки своего добавили, того гляди всё рванет, хорошо хоть в глуши.

Я согласно кивнул головой.

– Да, захватишь ещё пару ящичков тех патронов, что старшина там обнаружил, все ровно не учтены, да и лет им сколько, а к нашим винтовкам подходят, а то стыдоба одна, у нас сам знаешь учебные стрельбы раз в три месяца, и то лимит три патрона на человека, какие тут показатели стрельб, в мишень лишь бы попали.

Я снова согласно кивнул. Ротный уже попевал чай.

К столовой двигалась колонна солдат.

– Пакет, хоть не посеял?

Я сделав глоток чая, ударил себя в грудь.

– Опять в за пазуху сунул, догадался ротный. – А если по нужде? – Попробуй, в штабе планшетку выпросить, ну хоть старую, не уж то не найдут, эх Кропоткин – Кропоткин не будет из тебя дельного командира без планшета, а ещё князь.

Старший лейтенант встал. Я тоже вскочил. Солдаты по команде старшины, сели за стол. Я нагнал ротного, который широкими шагами шел к казарме.

– Послушай Сергей, – обратился я к нему, – я не говорил, там в комендатуре в НКВД, видел немца перебежчика. – Так вот, его допрашивали в соседней комнате, на повышенных тонах, и я подслушал, там говорили о том, что рано утром в воскресенье, немцы на нас нападут, не объявляя войны, будут бомбить ближайшие к границе селения, и гарнизоны подвергнутся усиленным артобстрелам.

Старший лейтенант, остановился как вкопанный, и внимательно уставился на меня, взгляд его не предвещал нечего хорошего.

Ну вот, сунулся со своими всезнаниями, тоскливо подумал я.

– Знаешь, что товарищ сержант, – прошипел ротный. – Не вздумай не кому говорить эту чушь, мало нам по твоей милости нерв попортили, сам едва не загремел, а теперь слухи распускаешь, да за такое. Старший лейтенант со злостью сплюнул, – в общем ты понял?

– Понял и молчу, – проговорил я. Мало ли что, болтают всякие дезертиры.

– Вот именно, – проговорил Сергей. – Езжай давай, да караул не забудь. Он скрылся за дверями.

– Чего это ротный, такой злой стал?

– Из за слухов, – ответил я.

– Это каких таких слухах, – спросил озабоченный старшина.

– Да так, разных ответил я. И больше нечего не произнес.

– Пошли сух пай получать, – сказал старшина.

– Пошли Петрович, – ответил я.

Царство Афанасия Петровича, было расположено неподалеку, так называемого гаража. Большой сарай с раскрытыми двустворчатыми воротами, рядом с которыми топтался часовой. Из ворот тархтя выехала полуторка, и направилась к стоявшему напротив гаража амбару. Часовой потопал следом.

Старшина придирчиво осмотрел большой висячий замок, достал из кармана ключи на цепочке и отпер охраняемый объект. Амбар, не сказать чтоб был заставлен полностью .

В нем были бочки, судя по запаху с квашеной капустой, на полках лежали мешки с крупой, стояли ящики, чуть подальше виднелись тюки с формой, лежали шинели, стояло несколько пар новеньких сапог, и прочее нужное в хозяйстве старшины.

Тебе банки с чем, – спросил старшина . Тушенка, или рыбные .

– Давай часть тех, часть тех.

Старшина хмыкнул. Итого десять банок тушенки , десять рыбных.

Старшина быстро распределил консервы, и я подхватив ящик, подал его Федорчуку, который уже находился в кузове машины. Я заметил бункер с картошкой.

– Петрович дай бульбы, вдруг где задержимся, давно печеной картошки не ел.

– Ишь ты бульбы ему подавай, да ладно через месяц новая будет, он сунул мне мешок набирай.

В это время подошли солдаты заступающие в караул, во главе с сержантом, тот увидев меня крикнул. – Виталий, тут тебе хлеборез, пять буханок хлеба передал.

– Отдай Федорчуку. Водитель замялся, – это куда я хлеб деду, не можно его на грязное.

– Держи, – старшина сунул водителю старый, но чистый вещмешок, по приезду отдашь.

Я набрал картошки, почти килограмм двадцать. Уладив свои дела, я сел в кабину рядом с водителем и стали ждать, когда загрузятся солдаты с сержантом. По кабине постучали, мол можно ехать.

Федорчук со вздохом завел мотор, и мы тронулись.

– Заправка в норме, – спохватился я.

– Порядок старшой, еще канистра у меня в запасе, а в полку подзаправимся.

Дорога была грунтовка, лишь в городке, местами брусчатка.

Миновав поля, почти въехали в лес. И тут я понял почему наша рота, находилась отдельно от полка. Вот это был склад. Куда не глянь тянулись груды ящиков, по видимому снарядных, стояли зарастающие травой пушки, еще времен балканской войны, это был хлам, опасный хлам.

Начальство просто не знало, что с ним делать и поэтому ограничилось, пока охраной, чтоб не дай бог детвора, а то и диверсанты, не рванули все это.

Редкая колючая проволока, две вышки по углам, на которых маячили часовые, небольшой домик для караула. Сержанты сменяя друг друга, ограничались приемкой вещей караула. В кузов закинули два ящика, со старыми патронами.

Я заглянул в один, подходят для наших винтовок, вот только гильзы дореволюционные Латунные, местами позеленевшие, подхваченные патиной.

– Этого добра, еще ящиков двадцать, пояснил начальник караула, сперва хотели забрать все,

но старшина обеспокоился, вдруг проверка, спросят откуда в роте не учтенное добро.

Я кивнул соглашаясь. Потом озадачил сменившегося сержанта тем, что в роту им придется идти пешком.

– Ну наконец то, – Федорчук прибавил газу.

– К вечеру бы успеть, мне ещё в штаб надо, оформить пополнение, передать пакет.

– И поужинать, чай в столовке двоих покормят, – добавил водитель.

Я в это время заряжал наган, разорвав бумажную коробку, в ней было двадцать штук патронов, взял семь, остатки сунул в боковой карман гимнастерки.

– Притормози, и снаряди магазин карабина.

Приказал я водителю. Тот подчинился, не чего не спрашивая, выполнил требуемое.

Дорогой попадались редкие машины, чаще повозки запряженные одной, двумя лошадьми.

И тут я увидел их, три поваленных подряд телеграфных столба обрывки телефонных проводов.

– Это что же делается, – проговорил водитель.

– А ты спрашиваешь зачем оружие, – проговорил я. Поднажми еще чуток.

Только бы не нарваться одинокие машины привлекают внимание диверсантов, а Бранденбург – 800 похоже уже в действии.

Выдут в форме на дорогу и попробуй разберись настоящий это патруль или нет.

Мы въехали в довольно большое село и решили чуток передохнуть.

Оставив Федорчука у машин, я направился к сельскому совету, возле него стоял младший лейтенант милиции и о чем то спорил с пожилым, дородным мужчиной.

Я подошел и отдав честь спросил. – О чем спор товарищи.

– Да тут воно у чем дело, у милиционера участкового, затриманный у подвале сидит.

Ему, его у город надо, а звязку не мае, ещо у чора був, а теперяче нетути.

машина зовсим зломалося, а подводой и к ночи не добратися.

Милиционер обратился ко мне, слушай старшой выручай ты я гляжу в город едешь, доставь задержанного в участок я сопроводиловку дам, мне еще в одно село смотаться надо, участковый показал на велосипед прислоненный к стене сельского совета.

Я оторопел от такого предложения. – Товарищ младший лейтенант, у меня своих забот хватает и охранять вашего задержанного я не буду, тут на дороге черт знает что творится, столбы телефонные повалены, поэтому и связи нет.

– Где это? – встревожился сержант.

– Километров в десяти от сюда.

Тот бросился к велосипеду.

– Остынь лейтенант, остановил я его, с Белостоком тоже, как я понял связи нет, а это значит и там кто то постарался.

Милиционер задумался, надо в ту сторону ехать, смотреть. И снова взялся за велик.

– Знаешь что, садись ко мне в кузов, подброшу до места сказал я.

– Можно и так, согласился участковый.

– Панас Сидорович, – крикнул он пожилому мужчине. Федьку в случае чего по утру, как обычно из подвала отпустите, как раз проспится.

– Это скотник здешний, как напьётся жену гоняет, хотел проучить немного, суток на десять посадить, – пояснил он мне.

И этого субчика мне хотели всучить, подумал я о семейном дебошире.

Помог милиционеру затащить велосипед в кузов и мы тронулись в город .

Уже был полдень, что меня не очень то радовало.

– Часа через полтора подъедем, – как бы читая мои мысли, сказал Федорчук.

Но недалеко от пролеска, снова показались поваленные столбы.

В месте с участковым, мы осмотрели их. Они были подпилены, провода порезаны.

– Вот что, – сказал я, – мне надо спешить. Тут мы все ровно не чего не сделаем, до своего участка ты только к вечеру доберёшься, наган хоть заряжен, ещё нарвешься на этих столба рубав.

– У меня два патрона в барабане всего лишь, – признался он. Федьку пришлось попугать.

Я порылся у себя в кармане, и протянул пяток патронов.

– Спасибо, – обрадовался он. И достав из кобуры наган, начал его заряжать.
– Может, тебя в город подбросим спросил я.
– Доложишь начальству, пусть меры принимают.
– Связь нужна, да и вместе поспокойней будет, мне командир сказал, чтоб поосторожней был, нквдшники случайно остановили патруль военных, позавчера это было что-то им не понравилось, а те ряженые оказались, одного задержали, а двое ушли, на мотоциклах передвигаются.

– А ладно, поехали. Милиционер снова забрался в кузов.

Я как накаркал, нас остановил невдалеке от города военный патруль.

Особисты, один лейтенант и два сержанта. И что делать, ряженые они или нет. Один из сержантов внимательно всматривался в меня, лейтенант проверял наши документы.

Рядом стоял мотоцикл. Младший лейтенант, напуганный мной даже не стал вылезать из кузова, правая рука его покоилась на кобуре. Напряжение росло.

– Вспомнил! – вдруг вскрикнул сержант, пялившийся на меня, а ты старшой неужто не узнал? Вот это попал, подумал я, встретить знакомого и не узнать его, вдвойне подозрительно.

– Попробуй не узнай, – ответил я нейтрально.

– Ну ты старшой, не обижайся, – служба у нас такая.

– Наши это, товарищ лейтенант, соседи со 125 полка.

Лейтенант кивнул, вернул документы.

– Нечего подозрительного не видели?

– Кто то столбы телеграфные повалил, вот с младшим лейтенантом едим докладывать.

– То -та связь кругом пропала, нас и послали выяснить в чем дело.

– Где это произошло, лейтенант был взволнован.

– Мы видели в двух местах, опоры подпилены, провода порезаны, без ремонтников там не обойтись.

– Укажите где именно, – особист достал из планшета карту.

– Так Левицкий заводи, надо срочно доложить. Мы поехали вслед за ними. Милиционера, высадили у городского отделения. Тот попрощавшись покатыл свой велосипед.

В штабе полка царило напряжения, все куда то спешили.

Наконец я добрался до зама командира полка, майор был не один, рядом с ним склонился над бумагами судя по ромбам, батальонный комиссар.

– Разрешите?

Увидев меня, они казалось обрадовались. – Входи, входи сержант.

Я достал пакет и протянул майору.

– Это хорошо, что именно ты приехал, – майор отложил пакет.

– Тут такое дело, с вашей ротой с утра нет связи, с 3 батальоном тоже, но туда хоть вестовых можно послать, а к вам полдня добираться.

– Связи пока не будет, на линиях совершена диверсия, – сообщил я.

Майор уставился на меня. В это время зазвонил телефон. Зам командира полка, автоматически снял трубку.

– Забелин у аппарата, а что уже в курсе, послать связистов в помощь, выделить машину слушаюсь.

Забелин положил трубку, и закрутил ручку, снова поднял трубку.

– Дайте шестого. – Ворошин, срочно берите отделение связистов, на складе получите провода, отделение хозяйственного взвода, с пилами и лопатами будут ждать у КПП.

– Пусть возьмут оружие, встреченные нами особисты сказали, что диверсанты вооружены, – подсказал я.

– Да пускай вооружатся, мало ли что, – продолжил в трубку майор.

Зам командира полка, вновь посмотрел на меня и вновь сказал.

– Да это хорошо старший сержант, что приехали именно вы.
– Вас все равно бы пришлось вызывать.
– У лейтенанта Воронцова аппендицит, – сообщил я. Сегодня утром, его прооперировали.

– Вот как, в разговор вмешался батальонный комиссар, печально надеюсь с ним всё будет в порядке.

– Вот в чем дело, – продолжал майор.

– Поздравляю, пришел приказ о присвоении вам, звания младшего лейтенанта.

Он пожал мне руку. Комиссар сделал тоже самое. Я вытянулся по стойки смирно и рявкнул. – Служу трудовому народу. Едва-едва не вырвалось, служу Советскому Союзу, вот был бы цирк.

Батальонный комиссар продолжил снова. – В воскресенье, в местном доме трудящихся, будет концерт для военнослужащих, будут выступление артистов, номера трудовых коллективов.

– И будет неплохо, если выступите вы, расскажете о своем дедушке, о том как воевали с белофиннами. Комиссар кивнул на медаль.

Да опять я попал, нет концерта я не боялся, он будет, но совсем другой, страшный и кровавый.

– Я бы с радостью, – ответил я. – Но товарищ батальонный комиссар, увы в воскресенье я должен быть в своей роте, в ней на этот момент не осталось не одного командира взвода, а положение сами знаете какое.

– Сейчас у нашей роты, очень ответственное задание, охрана важного объекта.

– Давайте так, как только лейтенант Воронцов поправится, я буду в полном вашем распоряжении, к сожалению о своем двоюродном дедушке, я знаю не больше чем вы, но надеюсь вы поможете мне, правильно составить доклад о нем.

– Война с белофиннами, я готов рассказать о мужестве и героизме наших бойцов, о том как коммунисты первые поднимались в атаку, увлекая всех за собой.

– Ведь я сам был, участником этих событий.

– Могу рассказать, как молодой политрук, прикрыл собой юную медсестру, когда она под огнем выносила раненого. (Действительный случай, сам когда то прочитал в газете.)

Комиссар не довольный сперва моим отказом, похоже проглотил наживку.

– Ну а конкретно, за что ты получил медаль, – спросил он?

– Как и многие другие, за прорыв линии Маннергейма, – закончил я.

– А как звали того политрука.

– К сожалению я только видел это, мы шли в атаку и больше я ничего не знаю, как все там было, меня самого контузило в том бою, наш танк горел. – Ребята вытащили меня из танка, мы целые сутки отбивали атаки в захваченном нами доте, пока не подошла помощь.

– А вот и подвиг, – воскликнул комиссар. – Именно об этом вы должны, рассказать, ну скажем недели через две.

– Ну вот и договорились, вмешался зам командира полка, он снова крутанул ручку телефона.

– Строевая часть, Криницкий? – Документы на Кропоткина готовы?

– Что, нужны только фотографии. – Хорошо, он сейчас к вам пойдет.

– А пополнение, я за ним прибыл, – забеспокоился я.

– Все завтра, а сейчас бегом в строевую часть, пока фотограф не ушел.

В строевой я проторчал два часа, правда успел пока сохли фотографии, смотаться в финн часть получить подъемные.

Потом к кладовщику, тут же в подвале выдали командирскую форму и все что к ней прилагается, в том числе так желаемый ротным планшет. Опять в строевую, фотографии готовы, китель взятый для съёмки у одного из штабистов сидел как влитой. И вот, у меня на руках удостоверение – командира красной армии.

Первая ступенька – младший лейтенант. Переоделся в подсобке, сапоги оставил свои, лишние вещи сунул в новый вещмешок, купленный у начхоза.

Начало темнеть. Федорчук уже выпался в кабине, увидев меня пожаловался, уже и обед и ужин пропустили. Тут, он разглядел меня.

– От те раз, уходил сержантом, вернулся лейтенантом.

– Пока младшим. – Но обещали в следующий раз, если я станцую и спою, дадут лейтенанта.

– А что касается еды, у нас есть сух пай, но надо решить вопрос с ночевкой.

Машина хоть и на территории части, должна быть под охраной.

– Ну это понятно согласился Федорчук, я могу и в кабине ночь провести. – А вы?

– Сейчас лето, можно и в кузове. – Видел мне и шинель новую выдали, не хочу проситься в казарму на ночлег. – Здесь, в уголке двора тихо. КПП с удобством неподалёку. – В общем Леша, я сейчас выйду с части, тут я видел магазин через дорогу, надо кое что купить.

Я так и сделал прошел к КПП, предъявил свое удостоверение, сказал что из этого же полка, но откомандированный вместе с ротой в другой город.

– Я скоро вернусь, мы тут с водителем в машине ночь пересидим, чтоб вы знали в казарме душно, да и надоело.

Дежурный сержант кивнул, ему было все равно, не выпускать командный состав в город, приказа не было. Я перешел дорогу и вовремя. До закрытия, оставалось десять минут.

У меня с собой был пустой ситор, взятый у водителя. Взял четыре бутылки водки, три пачки соли, несколько пачек рафинада, чай развесной, печенье, копченой колбасы – три круга. Поскольку магазин был смешанный, купил два перочинных ножа, крючки, леску, еще всякой мелочевки, вспомнил про спички. Все это, упаковал в ситор.

– Милок, ты прям как на войну собираешься, – сказала продавщица.

Как она была права.

– В командировку посылают, а там глухомань, больше месяца торчать придётся.

– Да и вообще мать, дай мне ещё бутылочку водки, батон, парочку банок паштета, пять бутылок пива, столько же сладкой воды, и все это в авоську.

Деньги ещё оставались, взял два кило карамелек, подумав, десять пачек папирос.

Выбрав самую большую шоколадку, презентовал её продавщице. Та расплылась в улыбке.

Нагруженный подошел к КПП, отозвав дежурного сержанта, вручил ему три бутылки пива, так на всякий случай, не сколько не сомневаясь, что дорожка к магазину давно проторена. Армия, есть армия, всё по прежнему. Сержант удовлетворено кивнул, и скрылся в дежурке.

Лешка Федорчук, уже колдовал над банкой тушенки, примериваясь вскрыть её, рядом лежала буханка серого хлеба.

– Погоди, ещё пригодится, – остановил его я, и подал авоську.

Разглядев её содержимое, Леша охнул.

– Подождем немного, – проговорил я.

Фонарь висевший неподалёку на столбе, давал достаточно света, как я и ожидал через КПП повалил народ, расходился по квартирам командный состав.

Мы расположились в кузове. Лешка не торопясь, вскрыл банку гусяного паштета, нарезал ломтями батон. Я добавил вкусоностей, печенья и конфет. У запасливого шофёра, оказалась кружка и стакан. Рядом кто то кашлянул. Я приложил палец к губам, и Лешка, только что собиравшийся вскрыть сургуч на бутылке, спрятал её под кусок брезента.

Я приподнялся, рядом с машиной стояли троя. Офицер в фуражке, на рукаве его была повязка патруля, и двое рядовых, тоже с повязками. Поняв что передним, тоже офицер, начальник патруля козырнул и представился.

– Капитан Заботин, потрудитесь объяснить, что вы тут делаете?

Я одел фуражку, спрыгнул на землю, и представился.

– Командир взвода первой роты, младший лейтенант Кропоткин, прибыл за пополнением в нашу роту, вместо уволенных в запас. Я достал удостоверение, и командировочное .

Капитан, бегло посмотрел документы и вернул.

– Почему, не попросились на ночь в казарму?

– Так поздно приехали, пока решались вопросы, уже стемнело.

Майор Забелин в курсе, и батальонный комиссар тоже.

– А машину не могу оставить, в ней имущество роты, в том числе боеприпасы.

Капитан хмыкнул. – Что то я не припомню, такого младшего лейтенанта в нашем полку, а я знаю всех командиров.

– Так я же только сегодня звание получил, а приказ раньше пришел, поэтому в полк меня и отправили. До этого был старшим сержантом, командиром взвода, – обижено ответил я.

Капитан вдруг улыбнулся, – ну извини лейтенант.

– Сам знаешь, служба у нас такая, – он вновь козырнул и направился в сторону КПП.

Там выслушал доклад дежурного, вместе с патрульными, покинул территорию части.

Сержант подошел к нам.

– Заботин, сообщил он мне, мужик строгий но справедливый, командир третьего батальона, у нас недавно.

– Наш полк сам знаешь, до конца еще не сформирован, более трети состава не хватает, я сам на сверхсрочную остался. – У нас в деревни, – он вздохнул, но продолжать не стал.

– Когда он вернётся? – спросил я.

– А чего ему возвращаться, ночь отдежурит, пройдетя пару раз по центру, посидит в комендатуре и домой, жена у него молоденькая.

Сержант мечтательно вздохнул. Потому комбат, и пошел сегодня в патруль, будто ротных и взводных не хватает, зато почитай вся суббота и воскресенье его.

– А дежурный по полку?

– Старший лейтенант Ворошин? – Тот доклады от дежурных по ротам примет, и завалится спать.

– Это хорошо, – улыбнулся я. Тогда проводи инструктаж своим, и давай сюда.

– Мои кубари обмывать будем, ведь ещё днем, я был такой же как ты, сержант.

– Вот значит как! – восхитился тот. То – то я думаю, чего это ты, на пиво расцедрился.

Он быстро пошагал к будке КПП.

– Стакан прихвати, – крикнул я.

Мы сидели хорошо, потом я после того как бутылка была выпита, отправил всех отдыхать. Расположившись на расстеленном брезенте, положив под голову вещмешок, и прикрывшись шинелью, я постарался заснуть.

Разбудил меня Федорчук.

– Товарищ командир, я смотрю – все на завтрак строятся , может и нам пойти?

Я встал, выпрыгнул из кузова, и мы пошли в столовую. Подойдя к дежурному по столовой, показал командировочный лист, и указал на голодного Федорчука.

Через пару минут, мы уплетали перловую кашу с мясом.

На гражданке, я на неё даже бы не посмотрел, а так нечего, пошла за милую душу.

Запив дробь шестнадцать, как называли перловку в мое время компотом, я отправил водителя к машине, а сам пошел искать комбата первого батальона, нашего непосредственного начальника.

Комбат был недоволен, целая рота черти где, в батальоне и так недобор.

– Пятнадцати человек не дам, десять и точка. Сержанта нет, у самого не хватает.

– Неужели у вас в роте, нет подходящих бойцов.

– Есть, – ответил я.

Капитан взял листок, из чернильницы выудил ручку. – Фамилию быстро.

Я впал в ступор, фамилий рядовых, я не знал.

– Ну, – потребовал комбат.

– Боец Федорчук, – ответил я.

Капитан записал. – Имя, отчество?

– Алексей, – проговорил я, а отчества не знаю.

Комбат вспылел. – Не знать отчества своих подчиненных, я вот всех знаю.

И тут же уставился на меня. – А к стати, как твое отчество? – Да и имя, не знаю.

– Фамилию ты назвал, Кропоткин. Потом встал. – Дожили, надо срочно побывать у вас, навести порядок, небось и устав забыли как выглядит.

– Не забыли, – сказал я. – Младшего лейтенанта, вчера получил, приказ пришел, вот меня и вызвали. – До этого старшим сержантом был, командиром взвода.

– Все равно не помню, – капитан покосился на меня.

– Уже комвзводов, без меня назначают, нет – это уж слишком.

– Так я прикомандированный сперва был, вместе с танком, на усиление, а уже позже, ввели в постоянный состав.

– Так у меня получается, в батальоне еще и танк есть?

– Есть, – признался я. – Майор Забелин, и батальонный комиссар Крапивин в курсе.

– Один я не в курсе, как ты говоришь, – капитан вновь, взял ручку, и сам же продиктовал себе, за доблестную службу. – Сколько он уже служит?

– Два года, – ответил я.

– Присвоить звание, младшего сержанта, Федорчуку, пусть будет А.А, в строевой разберутся.

– Так он здесь, со мной приехал.

– Тогда проще, вот приказ, бери его книжку, и дуй в строевую, а я пока людей сам для вас подберу, а то знаю я вас, самых-самых заберете.

– Держи, – я отдал Федорчуку красноармейскую книжку. Тот сунул её в карман.

– А чего это, она понадобилась, – спросил он.

– Запись сделать. – На еще это.

Он машинально, протянул руку, я опустил ему в ладонь треугольники – выпрошенные мной у начхоза. Федорчук быстро сообразив, достал книжку и прочел новую запись.

Младший сержант, – произнес он.

– Извини, младших лейтенантов вчера давали, а завтра вообще наверное ефрейторов давать будут.

– Завтра воскресенье, – уточнил Леша. – И будут давать, только увольнительные.

– Вот видишь, лимит в полку на звания закончился, так что цепляй уголки.

– А то вон, к нам новобранцев ведут.

Действительно, в сопровождении сержанта, шло отделение солдат. Сержант отрапортовав, передал мне список личного состава, и ушел. Перед домной стояли, самые-самые.

Те которых – «покупатели», берут в самую последнюю очередь. Появился Федорчук, довольный как кот, съевший миску сметаны.

– Сержант, – обратился я к нему. – Построить это войско, как положено.

Тот, как будто всю жизнь командовал, выстроил солдат по ранжиру, и доложил мне.

– Бойцы сказал я, с этого момента, вы подчиняетесь только мне и младшему сержанту Федорчуку, и естественно старшим командирам полка. – Любые другие командиры, для вас не существуют, и приказы их не действительны, вы из роты специального назначения.

– Теперь, начиная с правофлангового представиться, сообщить о полученном образовании, гражданскую специальность – если такая имеется, кто что умеет делать.

По сути только троя, хоть на что годились. Москвич Епифанцев – образование десять классов, Ворошиловский стрелок, но москвичей в армии недолюбливали, считая их неженками и зазнайками, поэтому и отдали мне. Небольшого роста, но мускулистый, похожий на бурята паренек – назвался охотником, и на вопрос бьет ли он в глаз белку. Ответил, что не только белку, но и медведя бил. Третий был фрукт особый. Степан Грищенко – лет двадцати пяти, назвался трактористом, хотя прав не имеет, умеет водить машину. В училище при заводе, выучился на моториста. И как такого золотого специалиста, вручили нам.

Спросил напрямую. – Почему, попал ко мне.

Тот замялся и произнес. – Судимость у меня, условно год – за драку дали, и обижено добавил, сперва за меня руками ногами схватились, а как узнали о судимости, так все, только и знал, что полы в казарме мыл, да территорию подметал, а ведь я не виноват

был – они первые начали.

– Ты Грищенко, на жалость не дави, – раздался вдруг голос рядом.

Я обернулся, к нам подходил батальонный комиссар, в сопровождении еще одного военного. Я подал команду смирно, и развернувшись доложил.

– Знакомлюсь с поступившим пополнением.

Комиссар кивнул, и продолжил. – Так вот, боец Грищенко, родина дала тебе шанс, оказала доверие, призвав в ряды красной армии, и за это ты должен быть ей благодарен.

– У вас все? – спросил комиссар, обратившись ко мне.

– Да, – ответил я.

– Хорошо, познакомьтесь – это младший политрук Иволгин Василий Петрович.

Мы пожали друг, другу руки.

– Он назначен к вам вместо Гольца, того перевели в другую часть.

– К вам поедет кинопередвижка, политрук на ней старшим.

– У вас ведь, последний раз кино показывали, месяца два назад? Я кивнул.

– Поспешите с отъездом. – К вечеру, чтоб были на месте. И добавил.

– Пойдемте поговорим, – он потянул меня за рукав.

Потом вдруг остановился. – А ведь вы, оказались правы.

– В чем?

– Ремонтники устранили последствия диверсии, и ночью когда возвращались назад, наткнулись на этих столба рубав, была перестрелка, одного бандита убили.

Другие, воспользовавшись темнотой ушли, а если бы связисты были безоружны.

– У вас кстати, как с этим?

– У меня наган, у водителя карабин.

– Не густо, вот что, возьмите трех бойцов и пойдете.

Я прихватил с собой, москвича, охотника и Грищенко.

Федорчук, поехал в парк, заправиться. Политрук знакомился, с оставшимися людьми.

В оружейной комнате, комиссар выделил нам: один пулемет – с двумя полными дисками, и две трехлинейные винтовки.

– Можно, мне пулемет? – спросил Грищенко.

– А ты умеешь? – с сомнением спросил я.

– Так у нас, в училище курсы были, считали раз трактористы, значит будущие танкисты, мы и танк водили, и мат часть изучали.

– Даже два раза, из пулемета стреляли, и разбирать могу, у нас учебный был.

– Хорошо. Винтовки естественно, достались москвичу с охотником.

– Бойцы, быстро к остальным, – приказал комиссар. – Чеботарев, уши не греть.

Это, относилось к дежурному по батальону, и тот вышел из оружейной комнаты.

Мы остались одни.

– Инструкции помнишь? Я кивнул, хотя не понимал о чем речь.

– О том, что если случится война, и придется уничтожить объект, знаем только я, ты и там наверху, – продолжил Крапивин. – У Корнилова, в сейфе, на случай боевых действий под грифом секретно, лежит пакет, в нем приказ.

– В случае отступления наших частей, охрану с объекта снять, объект подлежит уничтожению. Исполнитель, комвзвода Кропоткин Виталий Викторович.

– Держи, комиссар достал из планшета листок, и протянул мне.

– После случая с Гольцем, решили не рисковать. Я взял листок.

«Мандат. Младший лейтенант Кропоткин Виталий Викторович, выполняет особое задание. Приказано: всем воинским частям, работникам НКВД, милиции, партийным органам и другим службам, оказывать содействия в выполнении задания. В случае отказа, саботажа и препятствия выполнения задания, виновных в этом считать изменниками родины, со всеми вытекающими последствиями.

Приказ Верховного Комиссариата, заверено дивизионным комиссаром Полтораком В.П. Подпись, печати.»

Я спрятал эту грозную бумажку, во внутренний карман. А ведь с этим складом, что то не так. Понятно, что танк придан роте, не для усиления охраны, а для уничтожение объекта, и об этом в роте знал только Виталий, в тело которого переселилось мое сознание.

– Товарищ Кропоткин, поспешите с прибытием в часть, и будь те готовы к выполнению, поставленной перед вами задачи. – Даже ценой, своей жизни, – добавил комиссар, и попрощался со мной.

Я пошел к своим людям, продолжая думать, о том, что я узнал.

Кое что, было не понятно, то комиссар предлагал мне задержаться, выступить с речью перед концертом. А теперь торопит меня. И тут я вспомнил, когда-то виденный мной фильм. За день, до начало войны, к нам перебежал унтер офицер, немец – антифашист с точными данными о начале войны, ему естественно не поверили.

Но кое кто, все же принял меры. Похоже, те кто беспокоился о том, чтоб склад ни в коем случае, не достался врагу, были из них.

Федорчук, уже заправил полуторку, и снова строил отделение.

– В общем так бойцы, ехать нам придется часиков пять, в машине вдоль бортов есть, откидные сидения для ваших задниц в самый раз, в углу под брезентом, лежат вещи нашего командира, их не трогать, а то голову оторву.

– И еще, – добавил подойдя я. – В районе, действует банда, могут быть переодетыми в форму бойцов красной армии, поэтому нами были получены, пулемет и две винтовки.

– Если от меня поступит команда – стреляй, стрелять на поражение, без всяких размышлений типа, а может это свои, а среди них командир старше нашего.

– При внезапном нападении, стрелять без команды, безоружным падать на дно кузова.

– Всем все понятно, теперь в машину.

Подошел младший политрук, – сказал. – А вот и наша Кино, на колесах.

Подъехала кинобудка, с одним водителем – он же киномеханик.

– Едим быстро, если что не так, сигнальте, – сказал я Иволгину, и кивнул на кобуру с ТТ, в случае чего стреляй.

– Ну я думаю, днем напасть не решаться, – ответил политрук.

– Тем более, увидев столько солдат у тебя в кузове.

Ну ладно, давай, а то еще ехать и ехать.

Уже проехали километров пятнадцать, от города, как Федорчук сказал.

– Гляди командир, никак наш старый знакомец, педали крутит.

Я присмотрелся, действительно, мы нагоняли велосипедиста в милицейской форме.

– Ну-ка притормози, – приказал я.

Лешка обогнал велосипедиста, и просигналив, остановил машину .

Участковый подъехал к нам, снял фуражку, смахнул со лба капли пота.

– А старшой, – произнес он, и осекся.

– Да нет, теперь как и ты, младший лейтенант, – улыбнулся я.

– Не зря, к начальству мотался, приказ о присвоении звания пришёл, – и тут же добавил.

– Подвезти?

Участковый задумался, и сказал. – Тут, в десяти километрах от тракта, хутор есть, про стрельбу ночную слышал? – Те кто сбежать успели, могли туда податься, ненадежный там элемент живет, хочу смотаться, проверить.

Мне вдруг жалко стало, этого молодого парня, болеющего за свое дело. А ведь он, возможно прав, и на этом хуторе, скрываются те самые бандиты. И вряд ли он успеет, даже вытащить свой наган, первый то он стрелять не будет, сперва предложит сдаться.

Я вылез из кабины. – Вот что Петр, понизил голос. – Я должен тебе, кое что сказать.

Достал документ, данный мне комиссаром, – читай.

Он развернул бумагу и начал читать, потом вернул её, внимательно глянул на меня.

– Мне в группу, нужен человек, знающий местность, тебе я могу доверять, думаю уже завтра, я смогу многое объяснить, так что садись в кузов.

– Бойцы, – крикнул я. – Принять у младшего лейтенанта, транспортное средство.

Не успели мы немного проехать, как увидели пару мотоциклов, пылящие нам навстречу.

Я выглянул и крикнул в кузов. – Внимание, Грищенко пулемет.

Мотоциклы остановились. Их было четверо, в форме НКВД. Старший хотел было, махнуть рукой, чтобы мы остановились, но вдруг передумал.

Полуторка, а вслед и кинопередвижка, прокатили мимо патруля. Патруля ли? Настоящий патруль, вряд ли остановит то, что грузовик полон вооруженных солдат.

А вот ряженный? Направленный в их сторону пулемет, остановит точно. Не возьми я, с собой участкового, лежал бы он сейчас, где не будь в канаве, прикрытый ветками со своим велосипедом.

Ох не понравились мне эти мотоциклисты, особенно старший, взгляд пронизывающий злой, как будто готовый разорвать нас на куски, на лице шрам – такого не забудешь.

Федорчук покосился на меня. – Думаете не настоящие?

– Кто его знает, но лучше поберечься, и быть на стороже.

В роту мы успели как раз к ужину, бойцов разобрали по взводам.

Себе я оставил Грищенко с пулеметом, и конечно охотника, ну и москвича.

Тут то я и выяснил, что у меня во взводе, только одно отделение с сержантом, плюс танк с экипажем. Почему так? Просто рота, была не полного состава, и командир роты посчитал, что иметь во взводе танк, и так слишком жирно.

В десять часов вечера, объявили, что будут показаны два фильма, «Светлый путь»

и « Петр 1 ». Поднялся галдеж. Я же сказал Корнилову, что срочно надо поговорить.

Мы уединились с ротным, у него в кабинете. Попытавшемуся увязаться за нами замполиту, я сказал, что дело сугубо личное и не надолго.

– Что у тебя там, за секреты? Я, достал свой мандат.

– Так и думал, что тебя не просто так к нам прислали, а милиционера, тоже из за этого приволок с собой?

Я кивнул . – В общем так, через пару часов, мой взвод выдвигается в район объекта.

Такой приказ получен мной, от командования, я на танке, остальных людей, повезет Федорчук. – Дай распоряжение старшине, чтоб выдал на личный состав продовольствие, на неделю, две палатки и шинели.

– Усиление поста, думаешь могут совершить диверсию, – спросил ротный.

Я, уклончиво кивнул головой, но тут же сказал.

– Сергей, ты не забыл, что у тебя в сейфе, лежит пакет на экстренный случай.

– Так вот, там инструкции на твои, и мои действия, со своими действиями я ознакомлен, поверь, лучше сегодня, тебе ночевать в роте.

– Ты думаешь, они все же сунутся, – спросил он, закуривая папиросу.

– Не чего я не думаю, я просто выполняю приказ.

Непонятно, кто больше был недоволен поступившей команде.

Мой взвод, который вместо кино, должен получать снаряжение и довольствие.

Или старшина, который должен все это выдавать.

На ворчание старшины я ответил, что получен приказ, и я тоже может многое чего не хочу, но приходится выполнять.

К складу, подошли бойцы с моим отделенным Михаилом Потаповичем, в нем вместе с вновь прибывшими, оказалось десять человек.

Плюс мои, механик водитель и заряжающий, к ним я, не зная как обращаться, просто приказал готовить танк. Слышал, как недовольно бурча механик водитель, пожаловался заряжающему.

– Зазнался наш командир, как кубари получил, зазнался и чего спешить.

– А я вот только, с наряда сменился, – поддакнул заряжающий.

Вот напасть подумал я, как же мне узнать их имена. Помог, как не странно старшина, со своим списком личного состава. – Ты своих, всех забирать будешь, –спросил он вытаскивая шинели. При нем был список с фамилиями. Подсвечивая себе фонарем, он выдавал шинели. За экипажем танка, числились кожаные куртки.

Вот так, я и узнал имена людей из взвода, правда не всех запомнил, но да ладно.

Милиционеру я подсунул, временно свою шинель, у меня и так была теплая куртка.

– Вы что, до зимы в усиление будете? – удивился старшина?

– Ночью в лесу сыро, и прохладно, ты что хочешь чтобы, у меня все простыли?

Я об этом, как то не подумал, – сказал старшина.

Тут появился младший политрук и сказал, что едет снами. Что то вроде этого, я ожидал.

Ведь не просто так, нам его подсунули, нет, контролера мне над собой не нужно.

И я залился соловьем, о том, что в роте остается один ком роты, куда это годится,

завтра в обед, Грищенко заедет в роту, и тогда, политрук сможет побывать на объекте.

Ночью, там все ровно делать нечего. Политрук согласился, тем более перед показом фильмов, он решил выступить, перед бойцами.

Я впервые сидел в танке, точнее в этом БТ-7.

Сам все таки я тоже, срочную службу был танкистом, командиром на Т-72, но бывал и в Т-55 и даже Т-64. Но такой раритет, видел только в кино и на картинках.

Освещение было так себе, мельком осмотрел бое укладку, уселся в неудобное для меня командирское кресло, оно же наводчика. О рации, можно было только мечтать, мне протянули танка- шлем.

–Юра, тронешься сразу за Федорчуком, – сказал я, механику-водителю. – Держи дистанцию, как только надо будет что, я подам сигнал.

После чего выполз, уселся на башне, свесив вниз ноги. Дал команду Федорчуку, трогаться в перед.

В этот раз, поездка заняла у нас, около часа. Уже стемнело, двигались не спеша, подсвечивая дорогу фарами. Ехавший вместе с Федорчуком Михаил, знал пароль и потому, нас тут же пропустили на склад, подняв шлагбаум.

Зевающий начальник караула, доложил, что все нормально. Вдоль завалов ящиков со снарядами, ходят два парных патруля, и один часовой на шлагбауме, остальные отдыхают.

– Что же, пойдем пройдемся, – сказал я, и подумал жалко, что я не знал, что надо искать.

Но если рассуждать, оно должно быть неподалеку, от начала склада, стрелять из танка можно только со стороны заезда, с расстояния метров двести. Но почему подрыв, решили делать с танка .

Склад довольно большой, подрывников наверняка накроет.

Да кроме того, с танка можно сделать несколько попыток, и иллюзия защиты, какая не какая броня. Вот именно, никакая. От пуль, и небольших осколков и все.

Кроме того, объект нельзя будет заранее минировать, об этом сразу все прознают, да и вообще, не исключен само подрыв, человеческий фактор.

В случае нападения, специальная группа подрыва, может не успеть, быть уничтожена.

У танка, находящемуся рядом, шансов больше. И так, что то важное надо уничтожить. Значит, оно должно быть доступно, для выстрелов пушки. Все, поиски надо начинать от начала.

– Сержант, фонарик есть, – спросил я. Тот кивнул – пошли, я достал свой, как оказалось трофейный более мощный.

Мы пошли, и почти сразу же наткнулись на то, что я искал. На довольно большой высотой метра три, штабель ящиков. Накрыты они были, хоть и местами, в изодранную просмолённую парусину. На фасадной стороне которой, был нарисован большой желтый круг, это то и привлекло мое внимание, чем не мишень. Я приподнял парусину, сколоченные из досок ящики, были большие. На одном из них, я разглядел выцветшие надписи, латинскими буквами. В свете фонаря читалось, (Grosen – Berta).

– Большая – Берта, – произнес я.

– Чего? – не понял сержант.

– Так быстро, найди мне фомку, ломик.

– Это зачем? – спросил он.

– Затем, зачем, я сюда приехал чтоб узнать, что здесь такое. – Это приказ, командования.

Сержант вскоре появился, вместе с Федорчуком, держащим в руке небольшой ломик.

В след за ними увязался, не знающий, что ему делать участковый.

– Лешка, вскрой этот ящик.

Через пять минут скинув сверху, просмоленную бумагу, мы разглядывали снаряд.

Не меньше двух метров, который весь был в солидоле.

Нечего себе болванка, – произнес сержант. – Это сколько пудов, он весит.

Снаряд был, повыше человеческого роста.

Я отошел от пирамиды, основание ее похоже, составляли ящики со снарядами, уже на четверть вдавленные в землю, сверху них лежали ящики чуть поменьше, но шире.

Очевидно гильзы, с пороховым, или еще каким зарядом.

Я обошел пирамиду, подсвечивая фонариком и приблизительно подсчитал, на сколько выстрелов она рассчитана, не меньше чем на сто, а может больше.

Я вспомнил как, толи в книге, толи в журнале, видел фотографии самой пушки, с длинным таким стволом, размещалась она на чем то, вроде гусениц, или железнодорожной платформе. Фотография воронки, от взрыва снаряда – целый кратер.

Но Берта, насколько я помнил, после войны, была интернирована во Францию или

США, там выставлялась как трофей на площадях. Стоп, какой войны, первой мировой, а сейчас идет вторая. Франция капитулировала. Берту, возвратили назад в Германию.

– Командир, о чем задумался?

Мои размышления прервал Федорчук, все еще держащий в руках ломик.

– Да так ребята, похоже мы на пороге большого бума.

Петра снаряд, тоже впечатлил. – Чего то я не помню, чтоб у нас были такие пушки, – сказал он. – Такой снаряд, разве что, на луну запускать.

– В «Аэлите», видели в кино.

– Это у Жюль Верна, из пушки на луну, – поправил я. – А у Алексея Толстого, была ракета.

– А что касается пушки, то действительно, у нас таких нет, а вот у германцев есть.

– Это какая она должна быть, – спросил начальник караула.

– Я же сказал, Большая Берта, – проговорил я, и тут же спросил.

– Железная дорога, далеко от сюда?

– Километра полтора, будет, – ответил Федорчук.

– Верно, – подтвердил сержант. Иногда звук, проходящих поездов слышно.

Я начал соображать. В первую мировую немцы, снаряды видно для прорыва обороны русских войск подвезли, но произошло контрнаступление, и немцы орудие не успели доставить. Снаряды попали к русским, наши не знали, что с этим делать, кое как перевезли, неожиданный трофей на старый склад боеприпасов, уже непригодного вооружения. А теперь, немцам достается этот склад, они находят снаряды к своей Берте.

Орудие у них есть, завод изготавливает для нее снарядов мало.

Дорого и накладно, из тех же материалов, идущий на один снаряд, можно изготовить сотню для гаубиц. А тут целый боекомплект, в хорошем состоянии, стоит тащить сюда старушку Берту. Я представил себе обстрел Ленинграда, или Москвы и поежился.

Теперь понятно, почему так обеспокоены в верхах.

Я то думал на складе, хранятся снаряды с химической начинкой, в крайнем случае с термитной. Посмотрел на часы, почти двенадцать. Рано утром начнется.

Интересно, сколько времени немцам понадобится, добраться до сюда.

Сутки, двое. Помню, что в конце июня, Минск будет сдан.

Пошли, я не знал, что делать, единственное, что знал точно, расстреляй склад из танка, навряд ли я уцелею, рванет так, что на целый километр ничего живого не будет.

А стрелять придется, с метров 150-200, просто с более дальней дистанции местность не позволит.

Был ли этот склад в моем мире, я не знал, помню что под Ленинградом, это орудие было уничтожено, авиацией и дальнебойными морскими орудиями.

Солдаты поставили палатки, и уже спали.

Ко мне подошел мой замком взвода, Михаил и спросил. – Взял?

Я сперва не понял, о чем он. Настроение было паршивое, хотелось выпить.

И тут я вспомнил, чего хочет от меня Михаил.

– Конечно, – ответил я.

– Федорчук? Подай мне, тот мешочек с которым, я в магазин ходил.

Тот зевая, полез в кузов машины.

– Сейчас, слегка отметим, завтра поверь,. будет не до этого.

Я достал две бутылки водки, кольцо колбасы и буханку хлеба.

Расположились мы в комнатухе, начальника караула. Мы, это я, виновник торжества Михаил Потапович, которому уже стукнуло двадцать пять лет, и участковый который, все еще не понимал, что он здесь делает, и будет ли у него документ, оправдывающий его перед начальством.

Естественно, начальник караула и Федорчук,. тоже присутствовали.

Выпили за именинника, потом за мои кубари, которые сержантов, не чуть не удивили. Поскольку об присвоении звания, они уже слышали, от ротного.

В общем, посиделки были короткими, чуть больше часа, потом начальник караула пошел менять посты. А я посмотрев на часы понял, что до большого бума, осталось около трех часов, и что мне делать. Федорчук, прихватив с собой младшего лейтенанта милиции, отправился к своей машине, рассчитывая как всегда, подремать в кабине, а участкового пристроить в кузове, на свежем воздухе - лето все же.

Михаил позевывая, стал располагаться, на одном из двух топчанов, которые были в помещении начальника караула, другой должен был занять я.

Начальник караула же, сказал, что в караулке и так есть свободные места.

– И долго мы будем в усилении, – спросил Михаил, видя, что я не тороплюсь гасить керосиновую лампу.

– Думаю до завтра, – ответил я.

– На почитай, я вновь достал, выписанный мне документ.

Михаил привстал потянулся к лампе, и крутанув барашек, добавил освещение.

– Н да, бумага. Делать, что то придется командир.

– Если завтра начнется война, у меня приказ, взорвать этот склад, – сказал я, на прямую.

– Война? – Мой сержант, аж подскочил.

– Да я же говорю, – перебежчик, так сказал.

– И ему поверили?

Поверили, не поверили, – проворчал я. Но меры, на всякий случай решили принять, поэтому мы и здесь. – Ты снаряды видел? – А у немцев, есть такая пушка.

– И поэтому мы здесь, не для усиления, а наоборот, для уничтожения склада.

Представь себе, такая пушечка, начнет стрелять по городам и укрепрайонам.

А тут и снаряды, рядышком, только от солидола оттереть.

Мишка, от услышанного, до сих пор был в ступоре.

– А как же договор, о ненападении, – пролепетал он.

– А вот, часа через два и узнаем.

Я хоть и не выспался, понял, что уже не смогу заснуть. У моего сержанта, похоже тоже сонливость как рукой, сняло, за дверцей послышался шум.

Это протопал мимо, сменившийся караул.

А я думал о том, как выполнить приказ и остаться в живых. То что в моем мире, оно не было выполнено, я не сомневался, да и был ли, такой склад. Иначе о том, как то бы в истории упоминалось. Такой тарарам запомнился бы, как пить дать. В этом месте, образовался бы кратер. По дну овражка, протекает ручей, а значит озеро тут бы, наверняка образовалось. А что немцы, не может быть, чтобы они не знали об этом складе от поляков. Я вспомнил, что ротный жаловался, о том что связь опять пропала.

На улице мне послышалось, будто кто то вскрикнул. Я ринулся к дверям, на ходу опоясываясь ремнем.

– Караул, в ружье!

Я выскочил из караулки, за мной Мишка со своей СВТ. Возле будки караульного, была какая то возня. Как минимум две фигуры, склонились над третьей. Не помню как, но в руке появился

наган, взвод курка и я начал палить, почти в упор. Вскрикнув, повалилась одна фигура. Еще одна, обернулась ко мне. Получай, приклад Мишкиной СВТ, обрушился на голову второго.

С сзади, топот ног. В это время, ударила автоматная очередь. Позади, послышался стон.

– Огонь, – вскричал я, – стреляя на вспышки выстрелов.

Раздался рокот мотора, темноту разрезал луч фары, послышался лязг гусениц. Танк, о нем я забыл. Взмах рукой, машина остановилась. Я взлетел на нее, прыжок в открытый люк. Руки действовали, как бы сами по себе. Пулеметная очередь ударила, по заметавшимся в свете фар фигурам.

– Юра, на полной вперед, танк рванулся с места и я больно приложился лбом.

Последнего из нападавших, я расстрелял, когда он пробовал развернуть мотоцикл, стоявший в метрах ста от будки. Еще один, протараненный мотоцикл, был отброшен в кювет. Я высунулся из башни. Стараясь разглядеть, хоть что не будь. Подбежало несколько человек.

– Что там, – спросил я, не к кому конкретно не обращаясь.

– Свиридова, начальника караула убило, произнес кто то.

– Собрать оружие, документы, проверить транспорт и к караулке, отдал я команду.

Дождавшись, когда мотоцикл протолкали к складу, я приказал.

– Юра, сдай назад.

Все были на ногах. Мишка, с пятью бойцами, утопал в конец склада. Танк, перегородил въезд на склад. Я сидел за столиком, рассматривая все, что нашли у диверсантов.

Документы НКВД, один капитан, один лейтенант, и четыре сержанта.

Я не сомневался, те самые, что попались нам на пути из Белостока.

Смотри, я показал участковому удостоверения, видишь, скрепки и вокруг них нет ржавчины, верный признак подделки, хотя по виду не скажешь.

– А почему нет?

Петр, достал своё и убедился, у него вокруг скрепки, были желтоватые разводы.

– Дело в том, что немцы, аккуратисты и скрепки делают из нержавеющей стали, – пояснил я.

Потом, перешел к оружию, два автомата ППД, четыре пистолета ТТ, три финских ножа, пять гранат, в просторечье называемые лимонками. Один ТТ и автомат, я взял себе, еще один ТТ протянул участковому.

– Держи, трофей и набери, я кивнул на ящик, взятый из мотоцикла, полный патронов.

– А разве можно, – засомневался Петр. Разглядывая пистолет. – Ведь их наверное, сдать надо?

– Куда?

– Наверное, в следственный отдел в, комендатуру наконец, – проговорил участковый.

– Ведь будет следствие .

– Успокойся, и бери, – зло бросил я. – Скоро, не до того будет.

– Грищенко , – крикнул я.

Тот появился, как из под земли, кое как протиснулся в дверь, за спину закинут пулемет.

Я взял кобуру, вместе с ремнем. – Держи, – личное оружие. Тот не стал спрашивать, зачем и почему,

скинул пулемет, и тут же начал опоясываться.

Епифанцева и Федорчука ко мне, – сказал я ему.

Москвич появился сразу. – Будешь автоматчиком, – и вручил ему ППД, с двумя запасными дисками. – И ординарцем, при мне, добавил я.

– Есть, – ответил он козырнув.

Подошел Федорчук, и получил ТТ.

По хозяйски, достав кисет, он вытряхнул из него остатки махорки, и насыпал в него патронов из ящика.

– Епифанцев, – обратился я к москвичу, и кивнул на полупустой вещмешок начальника караула, оставшегося без хозяина. – Остальные патроны из ящика, высыпь в него и головой отвечаешь за сохранность.

Патроны ТТ и ППД, были одни и те же. Я снова посмотрел на лимонки, и тут взгляд мой упал на миску, в которой лежал кусковой сахар. Мозаика, началась складываться. Гул моторов,

как я и ожидал послышался с рассветом, монотонный он напал с запада, становился все громче и громче. Я, объявил построение. Солдаты выстроились, в две шеренги, девятнадцать рядовых, два ефрейтора – мой механик водитель, с заряжающим и двое сержантов. Рядом со мной стоял участковый, которого формально, я подчинил себе.

– Бойцы, слышите этот гул, – сказал я.

– Это летят, немецкие самолеты, бомбить наши мирные города, до последнего нам не верилось, что враг решится напасть на нашу страну.

Где то на западе, в стороне, где была граница, послышалась канонада и гром от разрывов, боже мой, как же близка граница.

– Властью, данной мне, – прокричал я.

Гул, низко летящих самолетов накатил на нас, шла целая армада, тяжелых бомбандировщиков. Бойцы поеживаясь, смотрели в верх.

– Не беспокойтесь, эти гады, бомбить нас не будут. – Крикнул я, у них приказ, этот склад оставить целым. – А у меня, я потряс своей бумажкой, в случае войны, уничтожить его.

– И так, согласно приказу, я снимаю караул.

Вздых облегчения, прокатился по строю. Не у кого не возникли вопросы, о достоверности приказа, начальник караула убит, а я старший командир, из их же роты, кого же еще слушаться. В этот момент послышались разрывы, бомбили наш городок, и скорей всего наши казармы. И стало ясно, тот Кропоткин погиб, война началась, и он не успел добраться до склада. А я же жив, и тут. А самолеты, все летели, и летели.

Отдав приказ сворачиваться, я задумался, а куда следовать, понятно на восток, в окружение попасть не хотелось, и погибнуть в бессмысленном скоротечном бою тоже.

– Петр? – обратился я к участковому.

Достал карту, выпрошенную у комиссара. К нам подошел мой зам – комвзвода.

Выбрали местечко, рожицу километров в пяти, там я приказал дожидаться меня до вечера. После большого бум, а дальше по обстоятельствам.

Бойцы разместились, кое как в машине. Поскольку в нее запихали все, что могло пригодиться. Продукты, ящики с патронами, сколько могли взять, пару штук и так запихнули в танк. Прошло пол дня, после начала войны, танк с полуторкой укатили.

Со мной оставались, Грищенко с Епифанцевым. Я приказал им откинуть брезент, где красовался желтый круг мишени, и вскрыть ящик. Как я и ожидал, это были тротилловые пашки, килограммов двадцать не меньше.

– Идите к мотоциклу, и ждите меня.

Мотоцикл я осмотрел заранее, проверил зажигание, подлил бензина.

Стараясь не обращать на приближающиеся канонаду, поскольку все мое внимание, было связано с моими действиями, я разложил на дощечке, несколько кусков сахара и достал фляжку с водой. Лишь только третий вариант, меня удовлетворил.

Я взял три гранаты, бечевку и поднялся к ящику с тротилом.

Бегом! Бегом! это была русская рулетка, пятьдесят – на пятьдесят.

Сажусь за руль мотоцикла, Грищенко с пулеметом в коляску, Епифанцев сзади меня. Завелось быстро, я рванул с места, крепко держа руль. Скорость была бешеной, Епифанцев чуть не вылетел на какой то кочки с сидения. Дальше, еще дальше. И тут, это случилось, это был не просто грохот. Нас что то приподняло и бросило на кусты, а взрывы продолжались и продолжались.

Очухался я, когда меня кто то приподнял и прошептал. – Кажись все.

На самом деле мне не шептали, а кричали в ухо, и это был Грищенко.

Епифанцева мы нашли в кустах, с оцарапанным лицом, и порванной гимнастеркой.

Я глянул в ту сторону, откуда мы приехали. В километрах трех, под самые небеса, подымался огромный столб дыма, и похоже там еще, что то рвалось, и тут сверху посыпалась всякая всячина, стала оседать пыль. Да, с танком был не вариант, от него мало бы что осталось. С большим трудом, вытолкнули из кустов мотоцикл, и покатали к месту встречи.

– Мы думали вам хана, – сказал Федорчук, оглядывая нас. – Так гроыхнуло, что мы чуть не оглохли, а землю то как затрясло, с ног некоторые попадали, и верите или нет, пяток самолетов с неба, как языком слезало, они как раз над складом пролетали.

– Ну тогда сто грамм за сбитые надо, – пошутил я. На самом деле, надо было рвать когти. Хотя бы в сторону Минска, попасть в котел, не очень то хотелось.

Проселочными дорогами, мы двигались подальше от границы.

Милиционер оказывается, умел водить мотоцикл и ехал впереди, с восседавшим за пулеметом Грищенко, за ним я на танке, следом Федорчук. Казалось, все вокруг нас гремело и грохотало. Похоже в бой вступили, приграничные части, а мы до обеда проехали километров шестьдесят. И все же нарвались, на механизированную колонну.

Нашу, потрепанную с воздуха, она спешила к границе, батальон легких танков, штук двадцать БТ и Т-26. Усатый майор, рассматривал мои документы и вернув их спросил, немцев видели. Нами уничтожена группа мотоциклистов, – почти не соврал я.

– Где? – встрепенулся майор, я указал на карте.

– Уже там?

Я кивнул, нисколько не сомневаясь, почти был уверен, что враг уже близко от нас.

Танк, тебе точно нужен? – спросил майор оглядывая мой БТ- 7. Ну началось.

– А то час тому назад, у меня с воздуха два танка сожгли, – продолжил он.

Я показал ему документ еще раз, удостоверение, где было записано, что я кроме прочего и командир танка, правда в этот раз не указывалось, какого, на том и разошлись.

Танковая колонна, двинулась на встречу своей судьбе.

Мы проехали через небольшое село, не останавливаясь. Над сельсоветом, еще висел алый стяг, но попадавшие нам люди были встревожены, и останавливаясь испугано смотрели нам в след.

– Горючки еще, километров на двадцать, сообщил мне Юрий.

Надо было что то делать. Как раз, притормозивший Петр, сообщил мне о том же.

– Воздух, – это кричал, высунувшись из кабины полуторки Мишка.

Действительно, чуть в сторонке от нас, разворачивалась драма. Там была основная дорога, на которую мы, уже было хотели выскакать.

Какую то воинскую колонну, начали долбить налетевшие самолеты.

– К лесу, – заорал я.

– Мы им не поможем? – спросил Петр.

– Чем, добавим к разбитым машинам еще наши?

Лес был неподалёку, дорога к нему и вела. Нас все таки заметили, и один из пикировщиков, даже чуть не накрыл нашу полуторку, но Федорчук вовремя притормозил, и очередь прошла мимо, вместе с пронесшимся самолетом. Полуторка вслед за нами, влетела под прикрытие деревьев. Самолет еще раз пронесся над нами, завывая мотором, но на этом все. Проехав с километр мы остановились, пора было передохнуть и перекусить.

– Товарищ командир? – обратился ко мне один из бойцов.

Его я не знал, он был не из моего взвода, поэтому я лишь кивнул головой, усилено делая вид что рассматриваю карту.

– А почему мы не вернулись назад, в казармы? – спросил боец.

Что ему было ответить. И я ответил. – Рота находилась в Потырях, до тех пор пока существовал склад, с ликвидацией одного, она должна была выдвинуться и соединиться с полком.

– А почему мы, не приближаемся, а удаляемся от Белостока? – вновь спросил боец.

Вот вьедливый какой. – Мне с моим взводом, поставлена определенная задача, и я её выполняю. – Ваше отделение, осталось без командира и перешли в мое подчинение на правах старшего по званию, и вы обязаны выполнять их, а не обсуждать мои приказы.

– Но мы удаляемся от зоны боев, и я как комсорг роты, обязан указать тебе Виталий на это.

Ах вот оно что. Комсорг значит, такому дай слабинку, он и командовать начнет, и вот перед нами новоявленный политрук.

– Встать!

– Что? – боец все же вскочил на ноги.

Как жалко что я, не знаю не его имя, не фамилии. – Товарищ боец, – сказал я. – Повторять больше не буду. – Я только что, сообщил вам, что являюсь вашим непосредственным командиром, хотя вы и так знаете это. – Вам было указано, что мои приказы не обсуждаются, или вы не знаете устава? – Все же вы продолжаете обсуждать их и даже указываете, как я должен поступать, и что мне делать. – Взвод, – прокричал я становись!

Готовящиеся к ужину и можно сказать даже к обеду, поскольку его не было, подскочили с мест и начали строиться. Участковый молодец, встал рядом со мной.

Михаил, доложил мне о том, что взвод построен.

– Товарищи бойцы, – сказал я. Наша родина подверглась вероломному нападению врага, наши части сейчас ведут бои. Действительно с двух сторон, доносилась канонада, что меня настораживало.

– И я понимаю, что некоторые из вас недоумевают, почему мы, вместо того, чтобы вступить в бой с врагом, как бы отступаем.

– Но это не так, мы уже вступали с ним в бой.

– Нами уничтожены диверсанты врага, которые пробовали захватить охраняемый нами объект. – Это был не наш склад, и даже непольский, это был склад немецкий.

– Оставшийся после империалистической войны, и в нем хранились снаряды с тону весом каждый, причем очень хорошо законсервированные, пригодные к применению.

– Все вы слышали взрыв?

Меня перебили. – До сих пор, в голове звенит, – послышался выкрик.

– Один такой снаряд, оставляет, – продолжил я, – воронку шириной, до двадцати метров, а глубина до пяти, разлет осколков с километр.

– Вы представляете товарищи, что было бы достанься они врагу. – У них есть пушка, но мало таких снарядов, и мы лишили их этого. – Нами был уничтожен не наш, а вражеский склад боеприпасов.

– И сейчас, ко мне подходят и говорят, мы мол бездействуем, нечего не делаем.

– Это кто, Иванишин что ли? – Произнес Федорчук. Он может.

– Товарищ командир, каша, остынет!

– Разойдись.

В полуосвещенном кабинете сидел он, уже не молодой, мрачный.

Погашенная трубка лежала на столе рядом, с бумагами. Он думал, и мысли его были тягостными.

И так война, всего лишь какой то день, и враг продвинулся местами на сотню километров. Он ждал сообщений, о положении на границах.

Раздался стук в дверь, и вошел ординарец с папкой в руках. Вслед за ним, слегка ссутулившись, круглолицый человек в очках.

– Что там? Хозяин кабинета, мотнул головой вниз.

– Заседают, – проговорил человек в очках.

– Заседают, – проворчал хозяин. Сперва все проворонят, а потом начинают заседать.

– Что там? – Вновь с просил он опять, но уже у своего ординарца, только правду, хватит вранья. Генерал – майор взял указку, включил лампу, освещающую большую карту, висящую на стене. Начал доклад, о полученных сводках. Человек в очках, взяв из специальных стаканов синие и красные флажки, начал втыкать их по мере доклада.

В одном месте, генерал майор оживился, 11 полк из 17 дивизии, отбив все атаки у границы, сам перешёл в наступление, отбросил части румынской дивизии, захватил мост и на плечах противника, ворвался в город на вражеской территории, ведутся уличные бои.

– Прикажите отступить.

– Что? – растерялся докладчик.

– Вы же видите, что кольцо сужается, другие части бросают свои позиции и бегут.

– Хорошо, – генерал – майор сделал у себя пометку и продолжил.

На центральном фронте ведутся упорные бои, и больших изменений, пока не произошло.

Пока подумал хозяин, а от границ отступили, вот- вот Львов сдадут.

– На севере, происходят ожесточенные бои, но враг так и не смог перейти границу .

– Там невозможно использовать танки, – вставил свои слова, в доклад круглолицый.

– Но противник численно превосходит нас, а резервов нет.

– Горшков, просит разрешение, использовать в качестве пополнения частей, спец – контингент. Хозяин на минуту задумался, но все же кивнул головой. – Хорошо.

В этот раз, пометку сделал у себя в папке человек в очках.

– А что там у Павлова, – спросил хозяин, взял трубку, начал не спеша набивать её.

– На западном направлении, все намного серьезней, – ответил генерал – майор.

Противник, с ходу смяв пограничные заставы, и части расположенные у границы, используя мех- части и превосходства в авиации, продвинулся глубоко в наши тылы.

– А почему превосходство в авиации, разве у нас, нет там авиачастей?

Генерал замялся. В перед выступил очкастый, достав листок из своей папки, начал читать.

– И вы говорите, прервал его хозяин, сотни самолетов, так и не взлетев, сгорели прямо на земле.

– Да, – подтвердил очкастый. На аэродромах, затеяли расширения полос, на некоторых бетонирование площадок, и всё это почти, на всех аэродромах сразу.

На оставшиеся, перегнали самолеты, на них, получился такой завал и теснота, что невозможно было взлететь. Молодые, неопытные летчики, во время бомбежки, делая попытки взлета, врезались в друг, друга увеличивая хаос и потери.

Хозяин, наконец раскурил трубку. – Виновных в этом бардаке наказать, с этого момента авиашколам, выпускать летчиков, только в звании сержантов, а звания лейтенантов давать, только тем, кто докажет, что достоин того.

Пометки у себя в папках, сделали оба докладчика.

– Дальше, – бросил хозяин. Генерал – майор, вновь взял указку.

– В результате скоротечных боев, наши войска, оставили города Белосток, Потыри и..

Хозяин, вновь прервал докладчика.

Белосток, Потыри? – проговорил он. Что то знакомое, недавно обсуждали.

Операция «Танкист», – напомнил докладчик в очках.

– Ах да, – хозяин яростно пыхнул трубкой, и поместил её в сделанную из черного мрамора пепельницу.

– Там было, что то связанное с большим складом, трофейных боеприпасов для пушек.

– Особенно беспокоили одни, большого калибра, кажется Толстушки Берты.

– Хуже, – поправил очкастый. Большой Берты, ее заряд гораздо мощнее, и бьет она дальше в два раза.

- Тогда возник вопрос, что делать с этим богатством, у нас нет орудий такого калибра, перерабатывать дорого и опасно.
- А тут как раз немцы, заняли Париж и вернули себе свою Бертю.
- Тогда и возник вопрос, что делать, если немцы нападут и снаряды достанутся им. Заминировать опасно, вдруг, что то пойдет не так, человеческая ошибка.
- Вы тогда просматривали наградные листы, за зимнюю компанию, наткнулись на фамилию Кропоткин, который из своего танка, расстрелял вражеский дот, тем самым помог пехоте прорвать в том месте оборону врага.
- Тогда вам, и пришла гениальная мысль, – продолжал говорить человек в очках.
- Как сейчас помню, вы сказали.
- Вот чего себе голову ломать, товарищи, в случае нападения врага, расстреляйте склад из танка, а исполнителем возьмите, ну хотя бы этого танкиста Кропоткина, операцию так и назовите «Танкист». Очкастый закончил говорить, лстиво улыбнувшись.
- Хозяин погрозил ему пальцем, мол не люблю такого.
- Ну так что? – нахмурился вновь хозяин. Потыри, у немцев?
- Младший лейтенант Кропоткин, выполнил задание, – сообщил очкастый, вновь улыбувшись.
- Говорят, грохнуло так, что за сотню километров было слышно.
- Лейтенанту Кропоткину орден, – произнес хозяин.
- Генерал майор, вновь раскрыл свою папку, и стал записывать. Младшему лейтенанту орден, красной звезды, – продиктовал он в слух.
- Я сказал, лейтенанту, – проговорил хозяин, и он посмотрел на очкастого.
- А что, этот подвиг на знамя тянет? – товарищ нарком.
- Тот просмотрел лист о событии, и ответил. – Тут еще сказано, вовремя взрыва, накрыло целую эскадрилью немецких бомбандировщиков. – Пленный летчик, сбитый под Минском рассказал он, чуть в сторонке пролетал видел. От тех, одна пыль осталась, и даже в их колонне, взрывной волной, один самолет на другой кинуло, из экипажей не кто не уцелел.
- Кропоткин? – знакомая фамилия, – сказал меж тем хозяин.
- Да вы правы, он близкий родственник, пламенного революционера Кропоткина. Хозяин прервал его. – Пишите. – Приказ, капитану. – Как его?
- Виталий Викторович, – сообщил нарком.
- Виталию Викторовичу Кропоткину, – продолжил хозяин, присвоить звание Герой Советского Союза. – Наградить, золотой медалью и орденом Ленина.
- Посмертно, подумал про себя очкастый.
- Да объявите по радио, пропишите в газетах, страна должна знать своих героев. Очкастый кивнул.
- И постарайтесь найти его, – добавил вождь, настроение его немного улучшилось. Нарком госбезопасности, выйдя из кабинета, облегчено вздохнул, прислушался.
- Услышал приказ, обращенный к генерал майору, позовите этих дармоедов, послушаю, что они там придумали, штабисты хреновы – вечно думать за них приходится, даже как ликвидировать склад, с пользой для дела, раз и целого авиаполка противника нет.
- Запомним, – сказал сам себе нарком, и пошагал в свой кабине.
- На следующие утро в центральных газетах была статья «Подвиг лейтенанта.»
- Как лейтенант Кропоткин, внук того самого революционера, чье имя носит одна из станций метро. С небольшой группой бойцов, взорвал немецкий склад (ведь он был когда то немецкий). Взрывом, накрыло немецкий авиаполк, было – было.
- Итог уничтожены ценные боеприпасы врага, вместе с самолетами – погибло множество пилотов люфтваффе. Германия чуть ли не в трауре.
- За подвиг, лейтенанту, присвоено внеочередное звание капитан.

Указом Верховного Совета СССР, присвоено – звания Героя Советского Союза.

Об этом я узнал чуть позже, находясь в не очень для себя хорошем положении.

А пока, мы банально находились в тупике. В прямом смысле, лесная дорога привела нас в некуда. Казалось, ведет она в правильном направлении. И вот тупик, заброшенный хутор. Бензина нет, назад не повернешь. Как в том мультфильме, улыбаемся и машем.

И чтоб никто не догадался, делаю вид, что сюда мы и шли, точнее ехали.

Объявляю привал. Настроение не какое. Хорошо колодец, хоть и старый, но действующий. Пробую сверяться по карте, дорога не обозначена, в двадцати километрах деревня Колодезно.

Вроде из Белостокского котла выпрыгнули, но напрямиком в другой, Минский. Его пока нет, но сколько осталось, меньше недели, точно не помню.

Да и прав комсорг, пора немцев пощипать. Канонаду почти не слышно, но это не значит, что её нет. Нечего, в крайнем случае мужикам скажу, что имею задание на какое то время, находясь в тылу врага, совершить диверсию, а потом уже идти на соединение с нашими. Подзываю к себе Ивана Толбухина, того самого охотника, толи хакаса – толи якута. Протягиваю ему один из финских ножей. Тот берет пробует, чуть ли не на язык.

– Металл хорош, – почти чисто на русском говорит он. – Но для охоты, не годится.

Шкурку видели те, плохо снимать, попортить можно.

– А для двуногого, годится? – спрашиваю я. Тот кивает головой.

– А сможешь тихо, без шума? Мне интересно самому, что он скажет.

– А почему бы и нет, – отвечает он. Чем двуногий зверь, хуже шагуна, тот хитер и опасен.

– Однако Иван, брал его.

– Хорошо, – говорю я. Возьми с собой, кого порасторопней и сходи оглядись.

– Да осторожней, скоро стемнеет.

– Посмотри, что это за болото, на карте обозначено, буквально двух шагах от сюда.

Люди готовят кушать, командует этим Федорчук, исполняя обязанности старшины.

Ему это нравится. Подходит Петр, он мрачный.

– Командир, – говорит он. – Что то надо делать, буза может подняться. – Я тут пробовал прикорнуть немножко, слышу шепчутся двоя.

– Один говорит, слышишь канонады не слышно почти, наши уже немцев добивают, а мы с нашим командиром по лесам шарахаемся, от немцев прячемся.

– Вся заслуга, взорвали склад, а нужно было его взрывать или нет.

– Как бы потом, за него на орехи не получили.

Комсорг опять воду мутит, надо будет, что то делать. Но мысли мои прерывает солдатик, поправляя пилотку докладывает. – Меня Иван Толбухин послал, говорит у болота, кто то есть, дымом пахнет.

Я поднимаюсь, с трудом с пенька и вдруг накатывает, боже как же хочется спать.

Беру с собой Грищенко с пулеметом, пяток солдат, Михаил остается за меня, и на всякий случай готовится к обороне. Солдатик уверено ведет нас через пролесок, несмотря на сгущающиеся темноту. Как из под земли выныривает Иван, и шепчет, – туточки рядышком.

Я действительно вижу, небольшой костерок, возле него одинокую фигуру.

Подкрадываемся ближе. Но вдруг человек у костра вскакивает, в руках у него оказывается винтовка. Видно, как напряжено всматривается в темноту. И вдруг крик.

– Кто здесь? Стой, стрелять буду.

Понятно, что нас он не видит, но видно что то услышал.

Я поднимаюсь, и кричу. – Свои.

– Какие свои? – Говори, пароль?

– Какой пароль, – говорю я, смотря на нацеленный ствол винтовки. – Ты боец не дури, перед тобой командир красной армии, и я здесь не один.

Но тот все таки, не приклонен. – И я здесь не один, со мной танк, так что назовитесь.

Мне почему то становится смешно, и я называюсь. – Младший лейтенант Кропоткин.

Я вижу, как за спиной бойца, появляется Иван и продолжаю разговор.

–И у меня тоже, есть танк.

Все происходит мгновенно, боец на земле, в руках у Толбухина его винтовка.

Я сижу у костра, и соображаю. Боец назвавшийся, Иваном Бровкиным, обижено потирая ушибленное плечо рассказывает.

– И не какое здесь не болото, оно чуть в сторонке к реке.

– А тут просека. Замолкает, говорить или нет.

Я подбадриваю, протягивая найденный у кого то, кусок сахара. Боец жаловался, что почти сутки, нечего не ел.

– Выездной полигон, третьей мех бригады, для стрельб, наконец сдастся он.

– Ну, а где твой танк, – спрашиваю я.

–Туточки, рядышком, – сообщает, боец Бровкин.

–У капонира стоит, только он не исправен, механик говорит, заглох чего то.

Осмотр откладываю на потом, спать охота, нет мочи, даже есть не хочу.

Еду приволокли, и Бровкин наяривая кашу, продолжает свой рассказ.

Уходят в дозор, Грищенко с охотником.

Я же под навесом, прикрывшись своей кожанкой, засыпаю на каких то ящиках.

Мать-мать, проснулся я сам, уже рассвело.

Спал я на снаряжных ящиках, рядышком посапывал Бровкин. Неподалеку, еще три бойца возрождали потухший костерок.

– Кто не будь, пошел сменить дозор, – спрашиваю я.

– Милицейский с Сорокиным, – отвечают мне.

Молодец Петр, сообразил. Я оглядываю пространство, вокруг под навесом штабель ящиков, штук двадцать, тут же четыре бочки. Бочки, я поднимаюсь и иду к ним босиком. Ах да, вспоминаю, как уже сонный, сбросил сапоги, давая ногам отдохнуть. Возвращаюсь назад, наматываю портянки, обуваюсь и вновь устремляюсь к бочкам.

Первая солярка, а что в других, бензин, снова бензин, две полных и одна початая.

А вот масла нет. Бужу Бровкина, спрашиваю. – Масло есть?

Тот удивленно глядит на меня, и отвечает.

–Было бы у меня масло, товарищ командир, так я бы его съел.

–П -фу ты, машинное, – объясняю я.

– Так возле танка, -отвечает он. – Мы бочку туда откатали, думали мотор запустить, масло подлить .

– Веди, – говорю я. По пути заставляю его вновь рассказать, как он докатился до такой жизни. Тут я вижу, две полевых палатки, каждая человек на десять.

– Бровкин, почему спал не в палатке?

Тот вновь, удивленно смотрит на меня. -Так я на посту, – отвечает он, вполне серьезно.

Я останавливаюсь и гляжу на него. – Тогда почему спал?

–Так я поста не покидал, а уже сутки, как старшина поставил и укатил, прошло, должен был привезти продукты, смену, мотористов, однако не приехал. Потом добавил.

–Механик еще возле танка оставался, но он вчера в обед сказал, что пойдет пройдетя до села, что не будь поесть раздобудет, но так и не пришел, а тут еще самолеты разлетались, стрельба была, грохот такой стоял, наверное учения идут большие.

– А вот и танк, – произнес мой проводник.

Но я смотрел на бойца, а ведь он еще не знает, что война, вчера ему так и не сказали о том.

– Война Иван началась, немец наступает.

– Идишь ты, а я думаю чего летуны разлетались, и кресты у них черные.

– Я как командир красной армии, снимаю тебя с поста.

Дальше я осмотрел танк, обыкновенная кургузая тридцать четверка .

Я забрался во внутрь, пощелкал тумблерами, лампочки едва засветились.

Аккумуляторы посажены. Перебираюсь на место механика , запускаю баллон, воздух стравлен, я ругаясь выключаю освещение и вылезая из танка.

Вижу шагающих в мою сторону, Грищенко с Толбухиным . Машу им рукой, Егор принимай аппарат, и тут же объясняю выявленные мной болячки.

Посмотрим, Грищенко передает пулемет Ивану, и прыжком вскакивает на танк.

Я подхватываю свой автомат, и натываюсь на бочку, с естественно масляными потеками.

Половина бочки масла, уже кое что, я чувствую как повышается настроение. Иду в сторону хутора, осматриваюсь, а тут оказывается есть тропка, точнее заросшая дорога, танк пройдет свободно. Прислушался нет, не ошибся, канонада нарастала, где то шел яростный бой.

В памяти возникла, когда то виденная карта, третья и десятая наши армии, вместо того, чтоб занять жесткую оборону, предприняли убийственную контр атаку, не подтянув резервы, не дождавшись тылового обеспечения. По ним ударили с флангов и два механизированных корпуса, сотни танков, оставшись без боеприпасов и горючего , сгорели за сутки. Пехотные дивизии, оставшись без поддержки брони, нечего не могли противопоставить танковым клиньям противника, охватывающих их.

От этого я и бежал. Что то случилось, это я понял сразу. В кругу десятерых бойцов, было двое, один пошатываясь, приподнимался с травы, другой Михаил стоял потирая свой маленький кулак. Почему то, я не удивился, что пораженный этим кулачищем оказался Иванишин.

– Что здесь происходит?

Михаил молчит. Слышится злой, хриплый голос Иванишина – Завели в дебри, труссы!

Захотелось ударить, резко, с ноги, но я сдержался.

– Юра, – крикнул я мех – воду. Нужно проехать метров триста, вон тропка, там один кустарник.

– Постарайся так, чтоб следом прошла полуторка. И добавил. – Там обратишься к Ивану Бровкину, заправка полная, масло у Т-34.

–Этого, я кивнул на Иванишина, арестовать за паникерство. – Сержант, постройте личный состав.

На полигоне кипела работа. Через два часа , ругаясь на чем свет стоит, Грищенко доложил, что танк исправен, надо только завести с толкача.

– Что там было?

Егор, опять выругался. – Этот горе механик, видно в капонире резко сдал назад, и забил выхлопные трубы землей. Начались проблемы с двигателем, в конце концов он окончательно заглох.

– Понятно, доделывай, Юрий тебе в помощь, а я буду подбирать экипаж.

Бровкин, оказался наводчиком и чего молчал в танк его, он оказывается на БТ- ездил, заряжающим, а как полк начал переходить на Т-34 перевели в наводчики.

Епифанцева ко мне на Т-34 заряжающим, надо только под натаскать, что такое кулак, а что растопыренные пальцы, в общем бронебойный и осколочные снаряды.

Бровкин возгордился, почти командир танка. Грищенко наконец с помощью БТ, который дернул и протасил, почти с полсотни метров, запустил двигатель Т-34.

Мы отогнал танки, под деревья, туда же полуторку, и вовремя. Над нами, выискивая цели, пролетела пятерка лапотников – немецких пикировщиков. Личный состав, тоже попрятался.

После этого, я навел кое какой порядок. Мишку, назначил на взвод, участкового ему в помощь. Заправили полуторку, танки из леска не выгоняли, бочки с бензином и

соляркой, подкатили прямо к ним. В Т-34 оказалось всего два заряда к пушке, но под навесом в ящиках было как раз то, что нужно. Как объяснил Бровкин, бригада готовилась к замене легких танков БТ и Т-26 на Т-34, которые в скорости, должны были прибыть по железной дороге. В части, было два танка Т-34, поэтому один из них, сделали

учебным. Нашли этот пролесок, рядом с болотом, кое где деревья для проезда по вырубили, и сделали полигон, для переподготовки танкистов. Стреляли в сторону болота, оно тянулось на несколько километров, и по словам местных, там никто не лазил. Полуторкой подвезли ящики со снарядами, и начали загрузку по ходу я объяснял Епифанцеву, где бронебойные, а где осколочные. Отобрал винтовку у

Бровкина, когда услышал перебранку, его и Юры. Выяснялось, что тот сунулся в месте с ней в танк, а что личное оружие.

– Мне ее старшина вручил, когда на пост ставил, мой то наган, в части остался.

Я кивнул Епифанцеву, тот понял и достал из вещмешка, один из трофейных ТТ.

Грищенко, уже отдал свой пулемет, группе бойцов отправляющихся в прикрытие.

Время уходило. Где то вдалеке, слышались не только разрывы, но и звуки перестрелки.

Но в день выводить на дорогу колонну, а её уже можно так назвать, было бы самоубийством, без воздушного прикрытия нас разнесут в пух и прах.

Надо потренировать своих бойцов, в случае авиа налёта.

Тут вернулся Петр, ушедший с тремя бойцами за мотоциклом и доложил, – что боец Туров оставленный охранять арестованного Иванишева, сбежал вместе с ним.

С агитировал таки одного. Построив личный состав, я объявил пропавших бойцов, дезертирами. Потом, поставил задачи и началась тренировка.

Я занимался танкистами, Михаил пехотой, а укативший на мотоцикле участковый Симчук, должен был объяснить, как действовать дозорной группе.

В танках связи не было, даже местной. Я натянул, поверх гимнастерки комбинезон.

Они нашлись в одной из палаток, тоже самое сделали и остальные. К вечеру перекусив выдвинулись. Впереди Петр на мотоцикле с пулеметчиком, и еще одним бойцом, потом я на Т-34 посадив в танк еще одного человека, полуторка и так была перегружена.

Она шла последней, после БТ. В кузове на снаряженных ящиках, поверх которых была кинута палатка, разместились двенадцать бойцов. Кроме того, в ней были две бочки, одна с бензином другая с соляркой, в канистру были перелиты остатки масла.

Дорога, как не странно была почти пуста, если не считать время от времени, попадающиеся сгоревшие машины, брошенные телеги с убитыми лошадьми, а кое где телами людей, все это мы объезжали не останавливаясь. Я не знал всей обстановки, все таки я, не был военным историком и то, что сейчас творилось вокруг, мною было почерпнуто из фильмов и книжек. Мой путь лежал на восток, в сторону от Минска. Дорога была второстепенной. Временами то стыла, то сбоку доносились раскаты орудийных выстрелов. Включили фары с опущенными светофильтрами, так чтоб только, была видна дорога. Перед въездом в село, нас наконец то остановили.

–Кто, куда? Услышал я крики, когда по моему сигналу колонна остановилась.

Спрыгнув на землю, двинулся к группе людей, окружившей мотоцикл.

Симчук, и не думал вытягиваться перед капитаном.

– Спец отряд, младшего лейтенанта Кропоткина. Сообщил он.

– Какой еще спец отряд? – Вскрикнул капитан. – Мне велено занять тут оборону, и я подчиняю вас себе. Если бы перед ним были бы старшие по званию, капитан так бы не хорохорился. Как же оборону, почему тогда не вижу окапывающихся людей, пост на выезде из села

выставил и то хорошо, услышал рокот моторов прибежал узнать в чем дело, а если немцы, тревогу хотя бы подняли.

Отдав честь, я достал из планшета свою грозную бумажонку. В селе, задерживаться мы не стали, а двинули дальше. Петр умчался вперед, минут через десять, он примчался назад,

– Впереди колонна техники стоит, я отправил бойца узнать кто они, пулеметчик прикрывает,

а сам назад к вам, – сказал он. Мы стали ждать результата разведки. Часть скорей всего наша, но лучше подождать. Через некоторое время, приметили бегущие две фигуры, одной из которых оказался Иван охотник, он и доложил. Подполз близко и пересчитал, сперва стоит бронемашина с пулеметом, потом три машины, а к ним трое пушек прицеплено, потом танк, не наш, я наши знаю, еще две машины но без пушек, рядом костры горят, возле них люди, не по нашему говорят, одеты не в наше, немцы это. Ивану я верил, и так мы попали в слоеный пирог, позади батальон капитана, как его там не помню, безмятежно дрыхнет после дневного перехода, впереди немцы, возможно рота, но с батареей

пушек, броневик и танк. Проезжая через село, я видел пару сорокапятков, вероятно приданные, для усиления батальона.

– Вот что Петр, подозвал я участкового, жми в село подымай этого капитана, сообщай о немцах и то что я принимаю бой, похоже мы в оперативном окружении, и быстрее назад. Что предпримет капитан, меня не интересовало, у него своя голова на плечах, а я думал о том, что нужен бой, будь это днем, я бы может и не решился.

Конечно в походной колонне, их можно было прищучить, но я помнил по книжкам, как сгорают БТ. Ночью вариант. Михаил? – приказал я. Берешь десять человек с пулеметчиком, на тебе еще автомат, и выдвигаешься к немцам, Иван тебя проводит.

– Ждешь моей атаки, если немцы забеспокоятся раньше, открывай огонь, отсекай от пушек.

– Понял. Кивнул тот и скрылся в ночи.

Я стал ждать, немцы всего в километре, думаю полчаса хватит. Подошел Федорчук.

– А мне что делать? – спросил он.

– У тебя два бойца, охраняешь боезапас. Провел инструктаж с экипажами. Время текло, казалось медленно, все чаще я поглядывал на часы. Меня охватила дрожь, перед моим первым боем, решил подождать еще пять минут. Время вышло. – По машинам. Т-34 катила по дороге набирая скорость, вот и бронемашина, виден человек выступивший вперед. Он махал фонариком, очевидно часовой решил, что это свои, но вот, что то заподозрив он скинул с плеча винтовку.

Поздно дорогой, пулеметная очередь скосила его, теперь ганомак выстрел с ходу, почти в упор. Во рту сразу запершило от пороховых газов. Двигаемся вперед, вдоль машин стоящих на обочине. Ими займется Бровкин. Слышу как клацает затвор пушки, все обговорено второй, тоже бронебойный. В свете фары, возникает силуэт танка, видно как в люк ныряет человек.

Тыкаю ногой Грищенко в спину, танк останавливается, поворачиваю башню приспускаю ствол, выстрел. Сноп искр от попадания. Показываю кулак. Снова бронебойный, снова лязгает затвор пушки, посылаю ещё один снаряд в танк врага, тот аж подпрыгивает от удара. Тыкаю механика ногой два раза, мол вперед, показываю растопыренную ладонь. – Кривцов не спать, – ору я.

В танке нечем дышать. Пулеметная очередь, посыпает машину, перед нами. Головная трогается с места, выворачивая на дорогу. Врешь не уйдешь. Тычок механика в спину, выстрел. Взрыв сноп огня. Вокруг мечутся люди. Пулемётом, пулеметом их, но и гусеницами неразумных, а нечего под танк бросаться. Разворачиваю башню, что там с пушечками. Видно как из ствола БТ, вырывается пламя от выстрела. Тоже делаю наводку, и посылаю свой привет по машине, откуда ведется по нам пулеметный огонь. Вот это да, машина пропадает в снопе

яркого пламени, очевидно взорвались боеприпасы. Даю команду, танк протискивается, сминая одну из пушек. Выскакиваем на другую сторону дороги, к полю и начинается веселье, те кто из немцев уцелели и залегли отстреливаясь от нашей пехоты, сейчас как зайцы вскакивали и неслись прочь, стараясь не угодить под гусеницы. Снова заработал пулемет, было душно и жарко. Ну вот и все.

Я сидел на броне, и пил воду из фляжки, еще чуть в сторонке в поле, копали могилку, у нас погибло двое и слегка зацепило Михаила. Тот с перевязанной головой, набивал диск автомата, который я отдал ему. Епифанцев с барского плеча, отсыпал патронов. Федорчук и еще несколько бойцов, занимались сбором трофеев и документов. Со стороны села слышались выстрелы, пару раз стрельнула пушка, потом стихло. Зато где то впереди, куда мы отступали загрохотало, и уже не стихало. И так мы в окружении. Надо поскорей в лес, привели пятерых пленных, и что мне с ними делать, обузу с собой таскать не буду. Подошел Федорчук и так жалобно смотрит на меня, оказывается одна машина цела, а вот водителей больше нет, узнавал до этого. Столько добра пропадет, заканючил он, ну точно старшина.

– Сколько? – спрашиваю я.

Тот начинает перечислять. – Десять канистр с бензином, двадцать карабинов, боеприпасы к ним, ну автоматы пяток штук, те меж собой распределили. Это ясно, у самогона плече висит.

– То мы для ближнего боя, а винтовки все при нас, ну и семь наганов их.

Он протягивает мне вальтер. Куда их мне, но все же беру.

– Еще консервов, их с десятков ящичков, – продолжает перечисление младший сержант.

И эти, как их там гавлеты их.

– Галеты, – поправляю я.

– А еще ребята, пулемет крупнокалиберный сняли с броневика, десять коробок к нему.

– Все хватит уговорил, сяду за руль, но только временно.

– Да и гранат, их три ящика, только никто не знает, как ими пользоваться, успеваешь добавить он.

Смотрю на карту, уточняю путь следования, машу кулаком Епифанцеву, напоминая, что сейчас он вместо меня. Хорошо хоть, на полигоне под натаскал, и даже дал один раз выстрелить, в сторону болота из пушки, так на всякий случай, киваю охотнику на пленных. Тот кивает в ответ, снимает автомат с плеча, пара очередей и те падают на

землю. А что, мы в окружении. Снова впереди пылит мотоцикл, за ним я, за мной Т-34, потом полуторка, замыкает нашу кавалькаду БТ. Где то вверху, снова гудят самолеты, стараюсь не обращать на них внимание, надеюсь им не до нас. Нужно быстрее, укрыться от них. Лес, где ты мой милый лес, звучит в голове.

Глава вторая

Снова удар, я отлетел к стенке, и уже не подымался. А так все хорошо начиналось. Мы выскочили на главную дорогу, и я понял, что совершил ошибку.

День, мы переждали в леску. Где то позади слышались, уже приглушенные орудийные выстрелы, вероятней всего, батальон неизвестного мне капитана, продолжал держать оборону. Пол дня мы отсиживались в леске, к которому свернули, надо было передохнуть. Выставив охранение, я тут же провалился в сон. Меня будили, а я не хотел просыпаться. Ведь я в отпуске, зачем так рано вставать, оно мне надо.

– Виталий, вставай. Я наконец проснулся, передо мной был Мишка, но не тот, с которым мы поехали на злополучную рыбалку, мой заместитель и вспомнилось все.

Я встал, провел рукой по проклюнувшейся щетине, огляделся, мы на лесной опушке. Солнце в зените.

– В чем дело, спросил я.

– Тут пяток бойцов с сержантом, к нам прибилося.

– Ну так что?

– Так они, он махнул рукой на восток, с укреп района, говорят немцы уже там.

Я прислушался, действительно была тишина. – Давай сюда сержанта .

Я достал карту и начал всматриваться, карта была до начала оборонительных сооружений. А дальше, все. Сержант оказался сапером, как и его бойцы. И тут он рассказал такое. С неделю тому назад, поступил приказ о демонтаже части дотов, то есть вооружения и оборудования, для того чтоб перенести его, на строящиеся укрепления у новой границы. Отделению сержанта Колыванова, три дня тому назад было поручено, демонтировать бронеколпак, для того чтоб перевезти к новому доту у границы. И тут началось. В общем, оружия при них не было. Целые сутки, они не знали, что началась война. Потом поступил приказ ждать, должны были подойти солдаты с вооружением, и занять дот, а им нужно восстановить дот. Солдаты так и не подошли, зато подошли немцы. – А что нам делать, – сказал сержант, из лопат и кирок не постреляешь, зато главный дот, который не успели разоружить и демонтировать держался долго, до него было метров триста. Хотели податься к нему, но потеряли троих человек, хорошо оврагом удалось уйти.

К своим, что за речкой, уже не попасть, место открытое и немцы мост с ходу взяли.

Так и получилось, добравшись до леса, убегая от преследовавших их немцев, вышли к нам.

– А за речкой, оборона крепкая, наши там держатся. Как бы в подтверждения этому в километрах пяти, вновь слышались пушечные выстрелы, и даже долетели отзвуки пулеметных очередей.

– А почему, мост не взорвали, – спросил я.

– Так не успели, наверно, – произнес сержант.

– Нам комвзвода говорил, что его заминировали на всякий случай.

А бой меж тем разгорался, было слышно, как часто заухали немецкие пушки, ведя обстрел.

Я попытался сообразить, что делать опять переждать, а чего, сейчас немцы возьмут прорвут оборону, и покатают дальше сея хаос, громя тылы.

– Стройся, – прокричал я, все хватит таиться, чего то выждать, ну да, можно бросить технику, податься в глубь леса, чего-то переждать и потихоньку начать партизанить.

Первоначально я так и думал сделать, но это все проза жизни. Читал я книжки про партизан, смотрел фильмы, во многих так все красиво получалось.

Громили гарнизоны, пускали под откос поезда, да были потери, наваливались

зондер команды и многие отряды гибли в неравном бою, окруженные со всех сторон.

Такое ли я хотел, с другой стороны у меня, почти взвод танков, взвод пехоты.

– Младший сержант Федорчук, – скомандовал я .

Лешка аж подпрыгнул, – вооружить отделение, сержанта Колыванова.

– Сержант, водители есть? – спросил я.

– Да как же ответил он, я могу Степанков тоже.

– Вот и хорошо.

Мы выскочили из пролеска, впереди опять участковый Симнчук, в этот раз только с пулеметчиком в коляске. Следом моя Т-34, потом БТ, за ними машины. Недалеко от речки расположилась

батарея гаубиц , или каких то еще орудий, и беспрестанно лупила по противоположному берегу. Рядом у моста стояло, около десяти машин, из которых выпрыгивали солдаты. За мостом шел бой. Это я, рассмотрел в бинокль. Пять танков, из которых один дымил, два бронетранспортера и до роты пехоты, шли в атаку, на закрепившиеся на противоположном берегу нашим частям.

Сейчас добавится, еще как минимум рота. Вперед, наши танки выскочили на батарею, заработали пулеметы. Грищенко без команды, протаранил одно орудие, танк подпрыгнул и если бы не шлемофон, я бы чувствительно приложился об какой то выступ. Я снова за наводчика. Кручу бешено ручки, выстрел вижу, как разметало расчет еще одной пушки, а сама она заваливается на бок, вперед вырывается БТ, подминает под себя еще одно орудие, двигается дальше, но вдруг его разворачивает, таран тяжелого орудия не проходит даром, у танка срывает гусеницу. Но медлить нельзя, по дороге к мосту несется полуторка, и по растерявшемуся немцам, стреляет станковый пулемет. Добавляю осколочным, даю команду вперед. Проносимся мимо БТ, возле которой суется две фигуры, одна с кувалдой. Снова делаю знак, растопыренные пальцы, влепляю по одному из грузовиков. Его опрокидывает, снова выстрел, наш пулемет беспрерывно бил, по разбегающимся немцам, те падают, некоторые прячутся за машинами, бью по ним осколочным, вижу как вспыхивает еще одна машина .

Нас с боку снова обгоняет БТ, производит выстрел и вновь вперед. Продолжаю стрелять осколочными, вместо колонны грузовиков, сплошной металлолом, горящих остовов. Танки уже перед мостом, проносимся по нему, из захваченного нами грузовичка выпрыгивают саперы. Картина нас не ждали , а мы припёрли, выстрел, промах спешу однако, пот застилает глаза. Делаю наводку, танк по которому я собираюсь стрелять, вдруг задымил и замер вижу, как в прицеле промелькнул БТ – Бровкина, молодец думаю

я, ухватил мою цель, но нечего приникаю

вновь к прицелу, ганомак всаживаю ему в задок бронебойным, и тот нехотя, опрокидывается вверх колесами. Вновь показываю кулак. Несемся вперед, подминая под себя, залегшую под огнем пехоту. Снова остановка и в этот раз, точно влепляю в бок танка, тот еще какое то время движется, потом вдруг вспыхивает, и его башенка, как в кино отрываясь от корпуса летит прочь.

– Трогай кричу я, но в этот момент танк вздрагивает, мы проползаем немного и останавливаемся.

В гусеницу попали кричит, оборачиваясь Грищенко, и добавляет, похоже наши долбанули не разобравшись .

– К черту, – я показываю кулак.

Ко мне склоняется Епифанцев, командир кричит он, нет больше бронебойных, одни осколочные. Я растопырываю пальцы и вновь кручу ручки. Заработал наш, пулемет отсекая пехоту, те уже в отличии от наших разобрались, что происходит. В прицел попадает большой танк, посылаю ему заряд осколочного в трансмиссию, в надежде, что хотя бы для нее это что то да значит. Противник получив в филейную часть затрещину , видно обиделся и начал медленно

разворачиваться, но все же попадание не прошло даром, на пол обороте он заглох, и даже стройная струйка дыма, потянувшись вверх, но башня, она развернулась к нам, мы выстрелили одновременно.

Сильный удар, звон в ушах. Помню как, кто то меня куда то тащит. Очухался я окончательно,

в чем то вроде землянки, меня тряс за руку какой то офицер, две шпалы подполковник, как сквозь вату в ушах прорывается.

– Молодец лейтенант, здорова нас выручили , всего одна сорокапятка оставалась.

И та ударила по нам, подумал я.

– А как вовремя мост подорвали, продолжал подполковник, непременно отмечу, наградные подпишу, да ты никак ранен?

Я до того прижимал ладонь ко лбу, отрываю её и осматриваю, она вся в крови .

Меня начинает мутить. Слышится команда, в санчасть его живо, меня куда то несут .

Прихожу в себя, от чьего вскрика, все как в тумане.

Слышится чей то сдавленный голос, воды – воды. – Ну будьте милостивы воды, горю – воды. Стон затихает.

Опять чей то голос, – тебе можно, а ему нельзя, ранение в живот.

И уже чуть тише. – К утру всё равно отойдет, видывал я такое в германскую, нежилец. Снова какой то шум.

– Вы куда, спрашивал тот же голос, что говорил про германскую, очевидно санитар.

– Где, младший лейтенант Кропоткин?

– Тута он.

– Что с ним?

– Легкое ранение в голову, средняя контузия, так врач сказал, через недельку оклемается.

– Нечего, мы и сами контузию лечить умеем, у нас через пару часов все проходит.

– Где его документы?

– У доктора, уже лепечет санитар.

– Корзунов, забери.

Меня подхватывают чьи то руки, и бесцеремонно волокут.

И так, Кропоткин Виталий Викторович?

Я стою босиком, еще окончательно не пришедший в себя. Меня в ночи куда то везли, потом бесцеремонно бросили в какой то подвал. Все тело ныло, болела голова, меня начал даже бить озноб. Что это такое, я ощупал себя, в одной гимнастерке и бриджах, ну да, так я и залез в танк,

Сапоги, очевидно стянули в санчасти. Но где я? Что происходит. Темнота начала понемногу отступать . Сквозь небольшое окошечко, пробились первые лучики света. Послышались, шаги двери с лязгом отворились.

Раздалась команда. – Встать.

Я понял, обращаются ко мне. Мне помогли, удар под ребра ногой, чувствительно даже очень. И меня повели, точней потащили, пальцы ног, больно царапал бетонный пол.

Пере домной, сидел лейтенант НКВД. Он разбирал какие то бумаги, время от времени, бросая на меня, хмурый взгляд, и он мне не нравился. Лейтенант нашел, что искал и стал читать.

– По показанию ефрейтора Каломыхина, единственного оставшегося в живых из саперной группы сержанта Кольванова, именно вы приказали взорвать мост, тем самым сорвав наступление наших частей.

– Ну да, отдал я такой приказ саперам, пока мои пехотинцы прикрывали их.

Но какое наступление, все что осталось от полка подполковника, что жал мне руку и обещал наградить, едва сдерживало атаку немцев, вряд ли они могли наступать.

Лейтенант не дождавшись моего ответа, взял какие то документы и вытащив листок зачитал.

– Показание бойца Иванишина, комсорга первой роты 125 полка.

Младший командир, Кропоткин Виталий Викторович во время службы, халатно относился к своим обязанностям, разлагал дисциплину в своем взводе, имелись случаи рукоприкладства. Один из них, коснулся лично меня. Так младший сержант, Михаил Потапович Суслин на мое замечание, о его nepoзвoлитeльнoм поведении с личным составом, ударил меня. – Комвзвода, старший сержант Кропоткин, вместо того чтобы наказать своего подчиненного, обвинил во всем меня.

– Замполит нашей роты, Гольц Винамин Гойцович, пробовал обратить на эти безобразия командования полка, особенно после выходки, сержанта на комсомольском собрании. Решался вопрос, о дачи рекомендации данному комсомольцу, в кандидаты члена партии. На вопрос о его происхождении выяснилось, что оно дворянское, и даже из каких то там князей. Дальнейшему разбирательству, помешала начавшиеся война.

Лейтенант прекратил читать. – Это правда, – спросил он у меня.

– Что правда? Вопросом на вопрос, ответил я.

– Что ты, из князей?

Я лишь только кивнул. Кивнул и лейтенант. Сильный удар по моей злосчастной

Голове, и я падаю на бетонный пол, удар ногой по ребрам, и я от боли скручиваюсь как эмбрион.

– Встать.

Подняться я не могу, меня усаживают на табуретку. Лейтенант продолжает зачитывать. Я почти не слушаю его. Тот продолжает читать. 21 июня, ночью старший сержант Кропоткин, прибыл в сопровождении нескольких лиц на охраняемый объект. При не выясненных обстоятельствах, погибает наш начальник караула.

Кропоткин берет командование на себя, и даже нацепляет лейтенантские знаки различия.

Особист берет мое удостоверение, читает выдано 20 июня 1941 года.

– Лихо сработано, – произносит лейтенант, как настоящие, но слишком новенькое.

Снова берет листок, переворачивает и читает.

Сняв караул, сержант Кропоткин, минирует склад с боеприпасами и взрывает его.

В дальнейшем, вместо того чтобы идти на соединения с нашим полком, он уводит подразделение в лес, избегая тем самым боевых действий с противником. На недовольные замечания, личного состава, применяет силу, особенно свирепствует младший сержант Суслин, самолично избивая тех кто, был против такого поведения, у нас отобрали оружие, поэтому когда нас задержал патруль НКВД, у нас его с собой не было. Подпись: рядовые: Иванишин Эдуард Севостьянович, Туров Борис Игнатович.

Лейтенант закончил читать. – Это правда, – спросил он, кладя листок в папку.

– Что? – Прохрипел я, сквозь разбитые губы. – У Турова винтовка была, бросил вероятно скотина.

Вновь удар, и я отлетаю к стенке. Мрак.

Усталый озабоченный, капитан НКВД, только что вернувшийся с передовой уселся за стол.

– Липоткин, что там у тебя?

Лейтенант протянул бумаги, тут три расстрельных.

Дезертирство, начал читать капитан: пятеро рядовых бросив оружие, тут все ясно он подписал. Начал читать дальше. Потом поднял взгляд на лейтенанта.

– А ты знаешь, немцы уже в Минске, а эти – он подписал следующий документ.

Если бы мост не отбили, и не взорвали, наша бы дивизия тоже бы откатилась, а так еще держимся, подкрепление должно подойти.

Он уже не читая, хотел подмахнуть последний листок, но что то его остановило, прочел. Старший сержант Кропоткин Виталий Викторович, выдавая себя за лейтенанта красной армии, приказал взорвать мост через реку Березину. До этого, что выяснилось из показаний рядовых Иванишина и Турова из того же полка, проявив трусость и

малодушие, бросил важный склад с боеприпасами, взорвал его без приказа.

Вердикт: За проявленную трусость, нанесения ущерба и прочих провинностей, старшего сержанта Кропоткина Виталия Викторовича, расстрелять бес суда и следствия, по закону военного времени. Исполняющий обязанности особого отдела дивизии

капитан: Малышев В.И. Капитан взглянул на лейтенанта, хотел что то сказать, но в горле образовался комок, и он раскашлялся. Лейтенант выжидая стоял, протягивая руку за листком.

– Смертный приговор, наконец прохрипел капитан.

– Ну да, ответил лейтенант, таким туда и дорога.

Капитан вдруг вскочил, и нанес мощный удар. Лейтенант в печатался в стену, и сполз по ней на пол.

– Ты хотел, чтоб я подписал себе, смертный приговор, вновь произнес капитан.

Лейтенант отплевавшись кровью с выбитыми зубами, прошептал.

– Чего, за что?

Капитан достал выписку из приказа, подписанную командиром дивизии.

В ней числился и младший лейтенант Кропоткин, представленный к ордену красной звезды за бой у моста. Утром капитан хотел навестить раненого в санчасти, чтоб кое что уточнить. Он присел на угол стола, смотря как его помощник с трудом подымается с пола. Порылся в своей планшетке.

– Ты когда последний раз, газеты читал?

Малышев достал «Правду», смотри. Лейтенант стал читать, по мере прочтения, начал тяжело дышать, пошатнулся и вновь уселся на задницу.

– Где те двоя, что оговорили лейтенанта, точнее капитана.

В комендантском взводе, людей не хватает, я их туда определил.

– Кривошеев, крикнул капитан. Дверь отворилась, в нее заглянул сержант.

– Кропоткина сюда, да поосторожней, он не в чем не виноват, а наоборот герой.

– А этого, он кивнул сержанту, на лейтенанта туда, и добавил. -Липоткин, сдать оружие.

Сам прошел к столу, и начал писать приказ.

Утром, вместо одного приговоренного, расстреляли двух рядовых из 125 полка.

Я сидел в углу в темной, пустой комнате, каждый глубокий вздох, каждое движение вызывало боль. Похоже все же одно, или два ребра, мне сломали. Послышались шаги, лязг открываемой двери. Ну вот и все. Луч фонаря забежал по комнате, и устался на меня.

– Тут он. Голос одного из сержантов, что меня бил, заставил вздрогнуть.

На домной склонились, приподняли и подхватив под мышки понесли.

Очутился я в той самой комнате, в которой вели допрос, усадили на стул и это хорошо.

На табуретке, я бы не удержался. Перед домной стоял, капитан НКВД.

– Кривошеев, – спросил он сержанта. – За доктором послали?

– Сигульков пошел, – ответил тот.

– Ну как себя чувствуешь герой, –спросил капитан .

– Хренова что то, – проговорил я, лапы болят, и хвост отваливается.

– Что, что? Не понял особист.

– Потом вдруг хохотнул, ты прости капитан, меня не было, а этот мой заместитель, чтоб ему пусто было, поверил рассказням, двоим из твоих бойцов.

– Они дезертиры, – пролепетал я, облизывая запекшеюся на губах кровь.

– Тем более, приказ об их аресте, я уже подписал, а лейтенант Липоткин пойдет у меня рядовым, в окопы.

Я пожал плечами, Липоткина мне было не жаль. Потом, что то до меня дошло.

– Я младший лейтенант, – поправил я особиста.

Тот улыбнулся, достал газету, начал читать. В это время, появился военврач.

Через несколько часов, меня вновь куда то везли. Голова в бинтах, грудь крепко стянута.

Гостеприимство в особом отделе, не прошло даром. Кроме меня, в кузове было еще несколько раненных. За всеми наблюдал санитар. Ты смотри капитана, чтоб не растрясло.

Послышался голос Кривошеева, ему поручили сопроводить меня до эвакуопункта.

Заботливый ты мой, от немцев меньше прилетело, чем от тебя.

– Воздух. – Истошный крик санитара, оторвал меня от дремоты. Машина не остановилась,

а наоборот добавила газу. Близкий разрыв встряхнул её, но машина продолжала ехать.

– Воздух, воздух. Проворчал сержант нкведешник.

– Танки это, очевидно через соседей прорвались, ну теперь до станции бы успеть.

Мы успели. Паровоз был под парами, раздался его тревожный гудок.

Где то невдалеке, слышались разрывы.

– Куда мы их, все полно? Послышался женский голос.

– Так что их, немцам оставлять, грозно проговорил в ответ нкведешник.

– Петровна, ты чего?

– Давай в перевязочный, – раздался чей то басовитый голос. Меня понесли.

– А вы куда, молодой человек?

– Я сопровождающий, у меня документ есть, за этого раненного я головой отвечаю.

Вновь, проревел сержант.

– А как же я, у меня в машине, весь бензин пропал при обстреле, бензобак пробили.

Я не поверил, это был Лёша. Так вот, кто нас вез.

– Сержант! Позвал я. Нкведешник, помогавший затащить меня в вагон, склонился.

– Тот водитель, что нас вез, мой ординарец, Федорчук его фамилия, можешь проверить.

– Так вот, впиши его в сопроводилровку, пусть едет с нами, я же забуду про твои художества.

Сержант хмыкнул и прокричал. – Федорчук ко мне, – и добавил, это со мной.

Меня понесли дальше по вагону, судя по всему, это был раньше вагон ресторан.

Поезд тронулся, набирая ход, и я провалился в сон. Не знаю сколько я проспал, но чувствовал себя немного получше. Слышались стоны. Кто то всхлипывая, просил, – доктор, а может не надо руку того, как же я без неё, я же плотник.

– Лежите спокойно молодой человек, у вас развилась гангрена. – Петровна маску.

Я закрыл глаза, постараюсь вновь уснуть, чтобы отрешиться от происходящего, но не смог. Через некоторое время простыня, перегораживавшая операционную откинулась. Надомной склонилась коренастая фигура, лицо которой, было скрыто марлевой повязкой.

Лежал я на полу, хоть и на матрасе.

– Петровна, что у нас там?

Петровна, совсем молоденькая медсестра, начала зачитывать из тетрадки.

– Капитан Кропоткин В. В. – танкист, общая контузия, легкое ранение в голову, ушиб грудной клетки, вероятность перелома двух ребер.

– Понятно, следующий.

Бровкин И. А. – ранение в бедро, осколок извлечен, ожег обеих рук, танкист.

Дальше, я уж не слушал, Бровкин, жив хоть и ранен и его БТ выходит сожгли.

Впрочем много ли, его легкой броне надо.

Хирург уже осматривал последнего, и сказал. – Этого на перевязку, я на обход.

Двери скрипнули, и из тамбура послышался басок, – товарищи это что же вы тут устроили.

– Да так, перекусываем.

– А пьете зачем?

– Так то, на радостях.

Это был голос Федорчука. – Командир мой жив оказывается, вот товарищ сержант сказал, что он тут у вас, только раненый.

– Смотрите у меня, будете бузить, выставлю.

– А можно, я его проведу.

– Куда? Окрик врача. – Там операционная, вход только в халатах.

– Доктор вот, возьмите.

– Что это?

– Тушенка, правда немецкая, трофейная, ох и много мы их гадов побили.

– Отдайте там, сестричке, – сказал врач.

– Вот и повод, туда пройти, – обрадовался Леха. – Где он здесь?

– Товарищ, вам сюда нельзя. Сердитая медсестра, закончив бинтовать плечо раненому, набросилась на вошедшего.

– Так доктор разрешил, иди говорит передай, сестричке, вот тушенка трофейная, а это лично от меня.

– Ой карамельки.

– Они самые.

– Так где здесь, лейтенант Кропоткин лежит?

– Федорчук я здесь. – Окликнул я его, слегка приподняв голову, и тут же добавил.

И не лейтенант, а капитан.

– Идишь ты, восхитился младший сержант, несколько часов прошло, а вы из лейтенанта, капитаном стали.

– Товарищи, тише вы, тут же раненые, – возмутилась медсестра. – Сейчас Василий Федорович придет, всем попадет.

– Так вас, в звании уже повысили, – Леха был поражен. И не только, я тебе там в полку говорил, что если я хорошо спляшу, а сплясал видно хорошо, то мне от командования поощрения будут.

– Да ты не переживай, я тебя к медали представил, тот сержант, в штаб армии документы везет.

– А меня, послышался чей то слабый голос.

– Бровкин и ты тут? Удивился водитель.

– Да вот лежу, да на сестричек гляжу.

– Тебя тоже к медали, и младшего сержанта присвоили, годишься в командиры.

Я вспомнил, как торговался с особистом дивизии, вспоминая всех тех, что были со мной. Тот особенно не возражал, смотался в штаб дивизии, он был в двух шагах. Подготовил документы.

Через сутки, мы были в Смоленске, распрощались с сержантом. Вместо него, в госпиталь явился лейтенант НКВД. Был он приветлив и вежлив, после разговора насчет Федорчука сказал, нет проблем. Проблем, действительно не было. На следующий день, он заявился с каким то подполковником из штабных. Тот все пытался обнять меня, поздравляя вручил мне, орден красной звезды. Федорчуку просто пожал руку, в которую и вложил медаль. Не забыли и про Бровкина. Подполковник уходя сказал.

– Товарищ Кропоткин, поступило распоряжения, для вручения высшей награды Героя Советского Союза, вам надлежит прибыть в Москву.

Документы уже готовятся, надеюсь здоровье вам позволит, перенести перелет.

– А мой ординарец?

– В связи с вашим ранением, допустимо иметь сопровождающие лицо.

Проговорил штабист, и скрылся в дверях .

– Это что, я вместе с вами, Москву увижу! Вспыхнул Леха.

– Ну ты куркуль, водка еще осталась? Оборвал я его.

– Последняя, хотел её там в поезде достать, когда про вас услышал. Сияя ответил тот.

– Но сержант, что вас сопровождал, душа человек, угостил спиртом, у него целая фляжка с собой была, ну а я его тушенкой, с собой пара банок нашлась. Федорчук выскочил из палаты.

Душа человек, вспомнил я сержанта, он скотина, чуть всю душу мне не выбил.

Москва нас встретила. Точнее меня, встретили. Лейтенант НКВД, уже немолодой в фуражке, как я потом узнал, скрывающую лысину. Оглядев меня он покивал головой, ну да в пилотке, в простой хотя и новой гимнастерке, а что вы хотели, человек с фронта. Мы куда то ехали, я напомнил, что мне надо сделать перевязку. Лоб уже украшал небольшой пластырь, но ребра давали о себе знать, перелет дался мне нелегко.

Жесткие сиденья, брр. Лучше не вспоминать. Пока в госпитале мне, делали какой то бандаж, лейтенант ходил звонить. Вернулся он мрачный, вновь оглядел меня, сказали везти, какой есть, все остальное потом.

– Куда его? Возмутился врач, ему бы у нас недельки две отлежаться.

– С начало туда, а потом сюда, – промолвил лейтенант.

Федорчука оставили на месте, поскольку на его счет распоряжений, не каких не было, так выписаны, командировочные и сопроводилровка и все.

Мы как не странно, поехали не в кремль. Нырнули под какую то арку, и притормозили.

Это был стадион, у нас проверили документы. Мы снова пошли.

Мимо трибун, повернули ко входу под лоджией, и уже пройдя по тоннелю, оказались у массивных дверей. У нас снова проверили документы. Лейтенант остался, меня уже полковник провел по коридору, и опять за массивными дверями, мы оказались в большой комнате, обставленной очень подходящей, для высшего руководства мебелью.

Огромный стол, вдоль него с дюжину стульев. Он стоял перед картой утыканной флажками, с трубкой в руке. Обернулся затягиваясь и выпуская дымок. Потом, оторвав от губ трубку сказал.

– Здравствуйтесь товарищ Кропоткин. И тут же спросил. – Как вы думаете, мы победим?

– Несомненно товарищ Сталин. Ответил я, как можно уверенным голосом.

– И я так тоже думаю, – товарищ Кропоткин. Сталин внимательно оглядел меня.

–Мне сказали, вы ранены?

– В основном контузия, и хорошо приложило грудную клетку, врачи опасаются, что возможно перелом ребер, но я думаю просто сильный ушиб, в госпитале сказали, недели через две буду как огурчик.

– Это хорошо, так значит придумка с танком, оправдала себя? Сталин хитро прищурился.

И я не знаю почему, решил соврать.

– Так точно товарищ Сталин, стрелял с удаленного расстояния, рвануло так что чуть не оглох.

Сталин улыбнулся. -Я был уверен в вас, товарищ Кропоткин и родина высоко оценила ваш подвиг, пленные немцы рассказывали, что при взрыве, у них погиб чуть ли не полк их самолетов.

– Возможно, мои подчиненные находившиеся на удалении видели, как несколько самолетов врага накрыло взрывом, – ответил я.

– Ну вот, а вы говорите возможно. Довольный Сталин нажал на какую то кнопку под столом, вошел генерал – майор с коробочками. С помощью полковника, он прикрепил награды. Я чуть не застонал, когда они копошась задевали мои многострадальные ребра.

Сталин вновь обратился ко мне. – Поздравляю вас товарищ Кропоткин.

И тут я ляпнул. – Служу Советскому Союзу.

Вождь, опять с хитринкой посмотрел на меня и проговорил .

– Неплохо сказано капитан, надо подумать, а не внести ли это изменение в устав.

Я чуть не вздохнул с облегчением. Тут я кое что вспомнил, золотая звезда героя, появилась у вождя всех народов намного позже. Портрет в роте, был тоже без неё, а там бы такого бы не позволили. А сейчас, она у него на груди. Так вот откуда,. весь этот танец с бубнами, а не сам ли Сталин предложил эту авантюру с танком. Мысль была бы не плохой, будь тот склад с обычными боеприпасами. Впрочем, не мне судить.

– До свидания товарищ Кропоткин, поправляйтесь. Вот и все.

Снова в машине, и на этот раз в другой, сопровождает молчаливый лейтенант.

Подъехали к какому то дому, поднялись на второй этаж. Лейтенант так же молча, открыл дверь и отошел в сторону, давая понять, что мне нужно войти.

Я вошел, дверь за мной закрылась, сопровождающий остался за ней.

– Проходите, товарищ Кропоткин и присаживайтесь.

Я послушал говорившего, вряд ли кто в это время, осмелился послушаться его.

Берия был сама любезность, поздравил меня с высшей наградой Родины, и лишь потом перешел, к нужной теме.

– Как вы это сделали? – задал он вопрос.

– Сделал что?

– Взорвали склад, и остались в живых?

Ах вот, оно что, Берия не глупец и прекрасно понимал, что взорвав склад с помощью легкого танка и даже тяжелого, вряд ли бы я уцелел. Что же врать ему не стоит.

– С помощью гранат и сахара, – ответил я.

– Сахара, – переспросил нарком?

– Ну да, сахар использовал как замедлитель, наложил на чеку гранаты, привязал и капнул воды, нечто подобное, применяли в первую мировую войну, при установки мин на воде , только там замедляли срок их всплытия.

– Понятно, – надеюсь вы не рассказали об этом ему?

Так вот в чем дело, догадка моя оказалась верна, затея с танком Сталина.

– Я сказал, что взрыв, произошел после первого выстрела.

– Так и говорите, а лучше вообще не упоминайте,. за что вас наградили. – Вы выполняли секретное задание, и потому не можете разглашать подробности.

– Это я уже понял, товарищ нарком.

– Вот и хорошо, люблю сообразительных людей, с ними проще работать.

– Да если что, свяжись со мной, думаю что это тебе понадобится.

Поняв, что разговор окончен, я встал.

– До свидания, товарищ нарком.

Тот не ответил, вероятно думая, правильно ли делает отпуская меня.

Про меня казалось забыли. В прочем мне скучно не было. Меня доставали все, и соседи по палате, и вечно крутящиеся вокруг медсестры, как будто им делать не чего. Приходили пионеры пели песни, читали стихи и все требовали, чтобы я рассказал о своем подвиге. Появился репортер накропавший обо мне статью, и долго мурыжил меня, пока я не отделался от него, рассказав о бое под Березиной.

Буквально через день, по всему госпиталю ходили газеты, с громким названием статьи, «Потомки Кутузова ». Бой описан был красочно, я бы так не сумел, как два наших танка и небольшая группа пехоты, под моим командованием, зашли в тыл немцам, с ходу уничтожили дивизион немецких пушек и в результате боя, отбили стратегически важный мост, после

чего, обрушились на атакующего наши позиции врага, тот понес потери до батальона пехоты и роты танков. Моя фотография со всем иконостасом, рядом улыбающийся Федорчук со своей медалью. Федорчуку, временно пристроющегося помогать по хозяйству, тоже досталось толика славы. Наконец чуть ли не к концу июля, меня выписали и тут ждал сюрприз, новенькая офицерская форма. При всей этой красоте, я заявился в штаб бронетанковых войск за направлением, и тут я убедился, что на данный момент я не кому не нужен. Танков нет. Посылать на фронт, как обычного пехотного командира, орденосца героя. Ухватились за справку из госпиталя, где была приписка, рекомендуется в течении месяца отдых, для окончательного выздоровления. Возник вопрос, что делать с Федорчуком, но как говорится водители везде нужны, описав штабистам какой он ловкий и умелый, я пристроил его в штаб, жалко расставаться, но что поделаешь. Сам я не знал что делать, вроде и жил где то до службы в армии Кропоткин Виталий, но где я не знаю, да и знал бы, туда ехать палиться, родственники соседи. Встречи с бывшими сослуживцами, я особенно не боялся, контузия ранение, временная амнезия. Деньги, аттестаты на продовольствие я получил. Остается одно, где то снять квартиру, не дорого но сердито.

Скоро эвакуация начнется, пустого жилья будет полно. Вдруг окрик.

– Виталий, ты ли это?

Пред домной стоял, бравый старший лейтенант, танкист с орденом красной звезды на груди. Он полез обниматься. Я с трудом отстранил его.

– Ну ты медведь задавишь, не видишь нашивку за ранение ребра еще толком не срослись.

– Ну вот к нему всей душой, а он зазнался, кличкой своего бывшего командира называет.

– Сколько раз можно повторять, я Степан Берлогов, а то все Медведь, да Медведь.

– Да косолаплю я маленько, так порода у меня такая, все в роду так ходят.

Ты лучше скажи, чего понурый такой стоишь возле штаба?

– Комиссовали что ли, под чистую?

– Не совсем. Признался я.

– Сказали не нужен, танков нет, иди погуляй немного, пока их наклепают, вот и не знаю в какую сторону гулять.

– Фи проблема. Степан оглядел меня. Капитан орденосец, герой, куда же тебя такого денешь? – Так, так те места все заняты. – Вот что, Виталий пойдешь ко мне взводным, а там глядишь опять меня обскочишь. – Ты как Т-34 знаешь, или на легких катаешься? Я показал на свой орден красной звезды.

– Этот, получил как раз за то, что катался на Т-34.

– Читал, уважаю. Кивнул Степан и сообщил.

– Наш мех полк, сейчас в бригаду преобразуется, до этого были в резерве ставки.

– Командир приехал назначение получать, скоро наверно выступать будем.

– Ну как, к нам согласен?

– Согласен.

– Ну тогда пошли.

Мы стояли в десяти шагах от штаба, наверное я совершал ошибку, ринувшись вслед за энергичным старшим лейтенантом. Мы шли по коридору, когда из одной двери, вышел молодой подполковник. Берлогов тут же вытянулся, и отдал честь.

– Григорий Савович? – обратился он к подполковнику.

– Я тут нашел себе взводного, вместо Лавушкина, убитого по болезни, бывший мой подчиненный в финскую, а теперь глядите. Степан сделал шаг в сторону, открывая меня.

Командир мех – бригады оглядел меня, и спокойно сказал.

– Свободных командных должностей, кроме командира взвода, в роте старшего лейтенанта Берлогова у меня нет, согласны?

Я кивнул. Да и что я мог сказать, в звании я вырос, а вот должность, до сих пор

значилось, командир взвода. Мы вошли опять в кабинет.

Уже на улице возле эмки, пришлось ждать. Степан хотел сесть за руль, подполковник остановил. – Сейчас подойдет назначенный к нам водитель, мне сказали геройский парень, участвовал в боях от самой границы.

Я раскрыл рот, к нам подходил Федорчук, с двумя вещмешками, перепоясанный командирским ремнем с кобурой ТТ, врученным когда то мною.

Тот ошарашено поглядел на меня, и вместо обращения к старшему по званию, произнес. – Товарищ капитан, и вы туточки.

Еще с месяц, нас держали в тылу, как не тяжело было на фронте.

Под Смоленском и недалеко от Киева, шли тяжелые бои.

Я знал, чем это все закончится, но молчал кто послушает, пускай даже героя Советского Союза, да меня примут за контуженого психа.

Первым делом в оборот, меня взял комиссар, формирующейся танковой бригады. Он отличался от тех политработников, которые вмешивались в решения командира полка, да он вел свою пропагандистскую работу, но как то так, без лозунгов, которые мне кажется всем осточертели. Собрав личный состав бригады, он представил меня, единственного героя Советского Союза, в их соединении и попросил рассказать о боях, в которых я участвовал. Первым делом я сказал, что дело, которое совершил, получив звание героя, под грифом секретно и больше, чем напечатано в газете я добавить не могу, единственное что нам пришлось выдерживать бой, с группой диверсантов.

Потом рассказал, о ночной схватке, и уничтожении колонны противника.

Бое у Березины, подвиге сержанта Кольванова, который ценой жизни, взорвал мост не дав врагу подтянуть резервы. Упомянул младшего сержанта Федорчука, на своей полutorке, он врезался в пехоту противника, а с установленного на ней трофейного пулемета, готовившаяся к атаке немецкая рота, была рассеяна. Федорчук сидел от смущения, красный как рак.

Естественно, я не рассказал о том, как меня после боя, раненого и контуженного, избивали особисты. Такая пропаганда, была не нужна. Мне хлопали, задавали вопросы.

Последнее предложение выступавшего после меня, младшего политрука, выдвинуть меня в качестве комсорга батальона привело в шок. Я вспомнил Иванишина, но тут меня спас комиссар сказавший, что я подал заявление о вступлении в партию и ЦК КПСС утвердило это. Оказывается без меня – меня женили. Я вспомнил, что до войны Кропоткин подавал заявление и вот сейчас ЦИК, а не просто партийная ячейка, утвердила его. Комиссар торжественно пожимал мне руку. Я смущено, что то лепетал.

Однажды, нас подняли по тревоге. Фронт рухнул сразу в нескольких местах, немцы прорвав оборону, окружили наши армии под Киевом. Наша недоукомплектованная бригада, была недалеко от Воронежа. Основной костяк её составлял первый батальон, состоящий из трех рот. Первая- тяжелая, десять кв-1, вторая в которой оказался и я, была из одиннадцати Т-34, и третья смешанная солянка, одна Т-34, а остальные БТ и Т-26. Второй батальон, был вообще не полностью сформирован, и имел всего восемнадцать машин, один взвод 34, другие легкие танки.

Мотострелковый батальон, вообще едва, насчитывал роту набранной из вчерашних школьников и рабочих с заводов, не имеющий брони. Две остальные роты, и саперный взвод должны были прибыть позже, откуда то из под Урала. Все это мне, рассказал начальник штаба бригады, майор Ракитин, когда мы совершали погрузку техники на платформы. Весь путь и мытарства поездки, вспоминать не хочу, особенно когда на перегоне, после внезапного торможения с платформы, чуть не слетел Т-26, что задержало эшелон, почти на час. Второй эшелон, со вторым батальоном и тыловыми частями, безнадежно отстал. Нас загнали на какую то станцию, и без того заполненную составами. Стоял невообразимый шум, паровозные гудки, лязг отцепляемых и сцепляемых вагонов, толпы беженцев. Люди сновали туда сюда, и не смотря на

выставленных часовых, упрямо пролазили под нашими платформами. Рай для шпионов. Я с тревогой посматривал в верх. Только налета вражеской авиации, нам и не хватало.

Две пары сдвоенных пулеметов максим, спереди, и сзади нашего состава, вот и все прикрытие. Конечно, станция наверняка тоже имела зенитные установки, но это мало утешало. Увидев идущих вдоль вагонов людей, я спрыгнул на землю.

Это были командир бригады Романцев, комиссар Ярполин и скорей всего, начальник станции.

– Вы поглядите, – кричал Романцев железнодорожнику.

– Это же танки, знаете как их ждут, нам нужно выгружаться, а вы куда нас загнали?

В тупик, справа эшелон со скотом, слева пассажирский состав с беженцами.

Нам платформа, для спуска техники нужна!

– Не чего не могу поделаться, – проговорил начальник станции.

– Второй путь, где имеется пригодная, для вас платформа, сейчас занят.

– Кем? – Тут же спросил, влезший в перепалку комиссар.

– Там вагоны, предназначенные для погрузки станков, завод у нас эвакуируют, вот, вот придут машины.

– Когда вот, вот? – не вытерпел подполковник Романцев.

– Товарищ Ретушев звонил, что демонтаж уже начался, а вы знаете кто такой товарищ Ретушев, первый секретарь горкома.

Тут вмешался я. – Разрешите?

И не дожидаясь одного, схватив станционное начальство за грудки, оттащил его в сторону.

Достал из планшета заветную бумажку, которая как оказалось, не сгинула в бою у моста.

Планшет который, чтобы не мешался, я сунул в вещмешок, а его отдал на сохранения Федорчуку, в танке чем меньше вещей в бою, тем лучше.

Железнодорожник прочитав бумагу, побледнел.

– Быстро, наш состав к платформе под разгрузку.

– Я сейчас, все будет сделано.

Начальник станции развернулся, и побежал. Я спрятал документ, прокатило.

– Что это с ним? – спросил Романцев.

– Да так, справку показал, что я контуженый, и за свои действия не отвечаю, так он решил, что лучше от нас по быстрому избавиться.

Действительно, через полчаса, наш состав подогнали к нужной платформе.

И началась разгрузка. Более опытные механики, садились за рычаги, подменяя менее обученных. Я стоял, наблюдая за съездом танков моего взвода, первая рота уже выгрузилась и следовала к месту сосредоточения бригады.

На платформе среди суетящихся военных, показались двое, один штатский в дорогом бежевом костюме, и начальник станции.

– Это ты, Сидор Константинович правильно сделал, что военный эшелон вне очереди

пустил, говорил гражданский, им быстрее нашего надо, да и смотри, сколько платформ и вагонов освобождается, сюда и будем грузиться, а то тех, что нам выделили не хватало.

Я обернулся к проходящим, в этот раз мой комбинезон был расстёгнут, так что видна была гимнастерка, на которой блестела звезда героя. Начальник станции, шархнул в сторону.

– Ты чего? – спросил гражданский. Увидев меня, он приподнял шляпу, поздоровался.

Что то сказал, но я не расслышал, очередная 34, с ревом съехала с платформы, я поспешил к ней. Нам снова повезло, над рощей, где разместился наш батальон, в сторону станции пронеслось с десятков юнкерсов. Мой механик водитель, хотел было крикнуть воздух, но я одернул его показав кулак. Через некоторое время, раздался грохот от разрывов и стали видны дымы пожаров, станция горела.

Меж тем вечерело, стал накрапывать дождь. Появился командир роты, и позвал к себе командиров машин.

– Через час выступаем, – сообщил он. – Сразу после ужина, экипажам проверить исправность машин, чтоб во время марша отставаний не было.

– Все, занимайтесь.

Своим ходом, мы двинулись к Белгороду. А дождь не прекращал лить, наоборот усилился, осень брала свое. Я с тревогой подумал о наших автомашинах, те шли следом по уже разбитой дороге.

Не чего прорвемся, чай немчуре тоже не слаще приходится, ворчал мой мех – вод.

Наша 34 была радиофицирована, что облегчало переговоры. В конце, концов уже поздней ночью, въехав в какой то поселок, мы остановились. Послышалась команда, глушить моторы.

Максим, мой мех – вод высказался.

– Половина заправки, ушло на переход.

Я в свою очередь, молча похвалил себя за то, что мое предложение поддержал командир батальона, и сзади за башней к танкам, прикрепили по бочке с топливом.

– Командирам рот и взводов, прибыть к комбригу.

Послышалось в шлемофоне. Я отстегнул провод от него, и нехотя вылез из башни.

Темно, дождь все не прекращался, я поежился и спрыгнув с машины направился туда, где кто то, усилено махал фонариком. Мы набились в дом, вероятно бывшим сельским клубом, там какой то полковник склонившись над столом, что то доказывал нашим командирам.

– Дробить бригаду, не дам, – произнес Романцев.

– Да вы поймите, – полковник выходил из себя. У нас почти нет артиллерии, чем отражать танковые атаки противника, а тут вы, неужели нельзя придать каждой роте, хотя бы по танку. Романцев, взглянул на карту и сказал.

– Из всей бригады у меня, здесь всего лишь танковый батальон, остальные части, где то на подходе, я смотрю у вас тут нет сплошной обороны, каковы вероятные направления ударов противника, и где он сейчас находится?

Полковник пожал плечами.

– Вы что, не знаете обстановку?

– Высланная на разведку группа, на автомашине до сих пор не вернулась, дороги наполнены беженцами и отступающими частями, – вмешался какой то майор.

И тут же добавил. – По последним полученным данным, это было еще днем, мотоциклисты противника, были замечены в тридцати километров от нас.

– Что у вас с соседями? – спросил Романцев. Полковник, зло бросил карандаш на стол.

– Я с одним из своих полков, связь потерял, а вы в этой каше о соседях спрашиваете, уже третьего курьера посылаю, последний приказ из штаба армии, закрепиться и держаться.

– Понятно. Комбриг оглянулся, и посмотрел на нас. Заметив меня, окликнул.

– Капитан Кропоткин?

– Я.

– Подойдите сюда. Он указал на карту. Полковник, очевидно командир пехотной дивизии,

неохотно подвинулся.

– Возьмете свой взвод, и выдвигайтесь в этом направлении. Он показал на карте деревушку,

со смешным названием Сердитое.

– Как у вас рация?

– Вроде нормальная.

– Сможете связаться с нами? – В общем я думаю, к разведке боем, вам не привыкать.

– Действуйте!

– Есть.

Я вышел . Дождь вроде начал затихать , но дороги то размыты .

Впрочем чего это, танки грязи не боятся. Отдал приказ дозаправиться.

Начал давать вводные командирам танков, младшему лейтенанту Горошко и старшему сержанту Поплывцу. Пустые бочки, были скинуты и мы обходя нашу колонну, двинулись из села.

Проехать надо было километров двадцать, ох и дались они нам, не смотря на ночь, как только мы выскочили на большак, чуть не увязли, нет не в грязи.

По дороге шли люди, ехали запряженные лошадьми телеги, отчаянно сигналив,

прорывались груженные чем то машины. По обочинам валялся брошенный хлам, местами автомобили с раскрытыми дверьми. Кое где виднелись костерки, которые уставшие люди, несмотря на прошедший дождь, умудрились развести. И этот людской поток,. был перемешан, гражданские, военные. Пришлось свернуть в поле, в ночи, не подавив людей передвигаться было бесполезно. Хорошо, что вскоре мы выбрались на проселочную дорогу, и заляпанные грязью машины пошли быстрее. Направление было подходящим, определил по компасу. Максим, вдруг резко затормозил. Танк дернувшись, остановился.

– Ты чего? Я резов пару раз, включил и выключил задние габариты, сигнал остановки.

Шедшая за нами, на оговоренном расстоянии машина, успела остановиться.

– Кажись я кого то, чуть не сбил, – сказал мех вод.

Я завертел башней, глядяваясь в темноту. Показалась какое то движения, и появивши- еся человеческая фигура, замахала рукой.

– Держи на мушке, приказал я стрелку и откинув люк, высунулся из танка.

– Кто такие? Я осветил фонариком и заметил несколько человек.

– Я же говорил, что свои. Послышался, чей то знакомый голос.

– Я по шуму мотора, враз определяю, что это 34 едет – значит свои.

– Свои разные бывают, пора бы это знать Грищенко.

Проговорил я, вылез из башни и присел на крыло.

– Командир, ты? – удивлено воскликнул Степан.

– Я Грищенко я, а кто еще, по ночам на танке разъезжать будет?

Рядом со Степаном возник еще один знакомый боец.

– Иван –охотник! Радостно воскликнул я.

– Здорова командир. Он протянул мне руку.

– Как поживаете?

Произнес он это,. так буднично, будто ни чуть не поразился нашей встречи.

– Неплохо, вот немцев ищу.

– Поохотиться вышел? Как бы одобрительно, спросил Иван.

– Знаем такое место, только – только от туда.

– Километра два. – Подтвердил Степан.

Охотник глянул так на него, что мой бывший мех- вод замолчал.

– Зверь шибко сильный. Продолжил охотник.

– Нашими ружьями его не пробить, – он показал на свое СВТ.

– А твоими. Он кивнул на танк. Поохотится можно, добыча славная, десять с пушками и два поменьше с пулеметами, двуногого зверя почти нет.

– Так, так понятно, десять танков и два бронетранспортера, – произнес я вслух.

– Много, – согласился Иван. Но когда, такого славного охотника как ты, это останавливало, сам знаешь, нужно только тихо подкрасться, пока зверь спит.

– Хорошо, уговорил, – согласился я. Нужно, только начальству доложить. Я склонился в люк и крикнул, – Славка не спать, давай связь с Ракитой. В танке забубнили.

– Ракита, – Ракита, я Клен прошу связи. Наконец ему ответили.

– Ракита на связи, что у вас? Я взял шлемофон радиста.

– Говорит Клен, к нашей Сердитой бабушке, заехал с товаром купец иноземный, попросился ночевать, в торбе десять утюгов и две сковородки, гвоздей совсем мало, навещу бабушку, проверю качество товара.

– Клен, о чем ты? Голос позывного Ракиты, осекся, потом ответил, – понял.

– Клен, будь внимательным, купец может оказаться пронырой, как бы не обдурил.

– Буду осторожным, – проворчал я. Мы действительно были осторожными.

На малых оборотах, подобрались к селу. Двое немецких солдат, будучи в дозоре, услышали гул моторов. Но поднять тревогу, не успели. К ним метнулись две тени, короткая возня. Знак фонариком и вот, наши танки врываются на улицу. Застрочили пулеметы. Я навел прицел, остановка выстрел. Нормально. Немецкая бронетехника, сгрудилась на площади у сельского совета. И лишь одна из бронемашин, была на выезде из села, по ней я и выстрелил. Потом мы сделали разворот, навожу на цель, выстрел. Немецкий Т-3, задымил и вспыхнул. Я не увидел, как у одного танка противника, повернулась башня, но выстрелить по мне он не успел. Т-34 старшего сержанта Поплывца, опередила его. Начался расстрел. Для такого дела, снарядов не жалко.

Потом по домам, где ночевали танкисты. Грищенко, со своими людьми не отставал.

Орудя снятым с моего танка пулеметом, он подавлял очаги сопротивления.

Другие бойцы, закидывали гранатами. Вскоре все стихло, начало светать.

Степан и пять бойцов, что были с ним, начали обыскивать дома, собирать трофеи.

Кое кто из моих танкистов, обследовал танки, те что не взорвались и не сгорели.

Иван присел на лавку, что была у сельского совета, и закурил. Я сел рядом, только что доложил, что купец: с утюгами и сковородками, утонул в колодце, а Клен, не потерял не одного листика. Грищенко нашёл таки, запрятавшегося немецкого офицера, целого майора. Я подумал, и решил взять с собой.

– Хорошая охота была, однако. Наконец Иван, произнес ожидаемое, от него слово.

Он прислушался.

– Еще звери идут. Я напрягся.

– Ничего не слышно.

– Далеко еще, много моторов гудят. Он ткнул в сторону юго-запада. – Там смотри. В это время, взревел двигатель одного из немецких танков. Я подскочил, как ужаленный. Из него, показался довольный Степан.

– А этот, еще нечего.

Я махнул ему рукой, и сам подбежав прыгнул на танк, после чего дал команду, двигаться за околицу села. В бинокль, а мне принесли трофейный, я наконец то увидел колонну машин. Она была большой. Начал считать, впереди бронемашина, за ней пять тентованных машин, затем четыре заправщика, еще один ганомак, после него с десятков машин тянущие на прицепе пушки, снова, около десятка машин, и уже видно, чтоб не раздолбить окончательно дорогу, замыкали все это, два танка охранения. Нечего себе силище. Я сделал знак, двигаться назад.

– Командир, топливо почти на нуле, – пожаловался Степан.

– Ничего, сейчас у немцев займем.

Я снова вызвал Ракиту, доложил обстановку.

– Клен, возвращайся назад, – поступил приказ. Но у меня, уже возник план.

– Поприветствуем гостей, и вернусь.

Колонна, не доезжая села остановилась. Снова пошел дождь, немецкий офицер, из бронемашины, оглядел поле, перед селом. С левой стороны дымились три русских танка, один из

них, как бы в бессилии, что то сделать застыл, повернутая башня, ствол опущен почти до самой земли. У выезда из села стоял Т-3, из него торчал танкист, и приветливо махал рукой. Офицер облегчено вздохнул, и дал команду вперед. Я быстро закрутил ручкой, наводка, выстрел, прям в бок.

Последний танк дернулся, и встал. Снова наводка, вдоль колонны.

Гремели разрывы. Две другие 34, били по пушкам. Колонна встала, запылал головной ганомак, пораженный выстрелом из Т-3. Тот чуть съехав с дороги, открыл огонь по ближайшим машинам. Били пулеметы. Второй танк, все же успел сделать по нам выстрел, рикошет об браню башни, аж в ушах зазвенело. Но вот и он, уже горит, с такого расстояния не промажешься. Начинаем долбить, осколочными по машинам. Из них выскакивают люди, падают разбегаются. Вот ударил по нам пулемет, но что он может сделать, всаживая снаряд в ту сторону. Одна из машин сворачивает в поле, но безнадежно застревает, из нее как горох сыплются солдаты. Переключаюсь на пулемет, что поделаешь своего башнера, как подготовленного наводчика, усадил в трофейный Т-3.

Снова осколочными, да сколько тут вас, больше половины машин уже пылают. Одна из них, вдруг исчезает в облаке взрыва, все ясно везла боеприпасы. Какой же плохой обзор в башне, что делается впереди колонны, не вижу, да и средину едва примечаю. Закончился диск в пулемете, машу стрелку давай мол. И пока тот перезаряжает, кручу башню в бок, что это, не верю своим глазам, Т-3 горит и дымит, одна из Т-34, замерев с оборванной гусеницей отстреливается, у другой своих дел хватает. Ай да немцы, сообразили, две машины выскочили в поле, и расчеты отцепив орудия, долбят по нам, они меня не видят, а вот я.

– Максим давай влево, и вперед. – Осколочный. – Ору я, еще.

Ну вот пушки, заткнулись. Что там с Грищенко, может успели вылезти. Но бой, еще не окончен. Кто то из немцев, попытался пробиться к селу, но там Иван и еще пяток бойцов с двумя трофейными пулеметами, положили их. Перестрелка стихает. Смотрю как, кое где начинают вставать немцы, и поднимать руки. Черт с ними живите, где то за дорогой вижу, бегущих в поле посылаю очередь. Кто то падает, сколько их там ушло, до взвода.

Моя 34, медленно движется, вдоль разгромленной колонны. Мне бы радоваться, но что то не весело. Моя так называемая пехота, сгоняет в кучу пленных. Добавляют к ним майора, всего пятнадцать человек, некоторые из них легко раненые. Повсюду слышны стоны. Замечаю среди пленных санитаря, даю в помощь одного менее пострадавшего камрада, и отправляю оказывать помощь раненым.

Подходит Иван, говорит. – Степка сгорел, совсем танк взорвался, нечего не осталось.

Я киваю головой, мой башнер тоже сгорел. Тут выясняется, что погиб младший лейтенант Горошко. Высунулся из люка, когда сорвало гусеницу, и тут пуля.

Слышу стук кувалды, мой мех – вод пошел помогать, натягивать гусеницу.

– Иван, – сказал я. – Собирай трофеи и документы. – У пленных их уже отобрали.

Моя группа возвращалась назад, вслед за нами тащился

чудом уцелевший бензовоз, за рулем которого, сидел пленный немец под присмотром грозного Ивана, и еще одна машина, в которой было с десятков пленных, со связанными руками и груда трофейного оружия. Всех раненых, в том числе и санитаря, оставил в селе, зачем нам с ними возиться.

Романцев читал донесение, и не верил. Двенадцать танков, четыре бронемшины, десять пушек, двадцать машин. Он глянул на груду солдатских книжек, более двухсот солдат и офицеров вермахта, и бригада потеряла, всего двоих человек.

Да тут еще, командир немецкого танкового батальона, сообщает сведения такие, что начштаба армии прям пищит от нетерпения, как желает встретится с ним.

Комбриг оглядел своего подчиненного, представление на орден красного знамени, на тебя отправлено.

– Уже все награды какие есть, у тебя будут не жирно. Я скромно потупился, хотелось сказать, а я еще вышивать умею. А что награды, орден славы мне уже не светит, это солдатская и пожалуй самая достойная из всех наград, до орденов названных в честь полководцев, еще дожить надо.

Глава третья

Чуть ли не на сутки, где мы держали оборону, установилось затишье.

Бригаду все же разделили, приказом командующего армии, первую роту тяжелых танков, кинули на помощь соседней дивизии, которая откатилась не удержав позиции, оголив наш фланг, с нею ушел комиссар. Ажиотаж, после хоть и небольшой победы затих.

А после случилось то, что должно было случиться. Все началось с бомбежки. Самолеты налетали, казалось непрерывно. Нас как я и ожидал, поскольку мы не имели своих пехотных частей, все же раскидали по позициям. Хорошо что хоть по взводу, а не по штучно. Это уже попытался сделать командир батальона, которому нас временно придали. Мы стояли друг перед другом, и мерились своими полномочиями. Он капитан, я капитан. Он комбат, я комвзвода, но это как посмотреть. У него медалька двадцать лет РКК. У меня медаль за отвагу, ордена, красной звезды, Ленина, золотая звезда героя Советского Союза. Впрочем вначале, этого он всего не увидел. Я вылез из танка, спросил где командир и направился к указанному мне человеку, стоящему на бруствере окопа, напряжено всматривающегося в туманную дымку прикинув к биноклю.

Уже похолодало, несмотря на это, капитан был в распахнутой шинели.

Оторвав от глаз бинокль он посмотрел на меня, а танкист прибыли наконец то.

– Один танк будет здесь по центру, другой там на пригорке, от туда все как на ладони, третий будет на правом фланге. – Все понятно? Я остался стоять на месте.

– Что еще? Комбат раздражено махнул рукой.

– Выполнять.

– Что выполнять? Спросил я спокойно, и добавил.

– За расстановку танков и их действия, – отвечаю я.

– Да как ты смеешь мальчишка, да я тебя.

На меня накатила злость, и я расстегнул комбинезон. Рука капитана в замахе замерла.

– Извинитесь, – проговорил я. И так мы, смотрели друг на друга.

И комбат понял, что проигрывает.

– Мои танки прибыли для взаимодействия при отражении атак противника, при поддержке бронетехники, а не в ваше личное подчинение.

– А на том при горочке, как вы заметили, наш танк будет отличной мишенью для врага.

Комбат был красным от злости, но поняв, что я не уступлю процедил.

– Поступайте, как считаете нужным, но я доложу о вашем поведении.

– А я о вашем. Не остался я в долгу.

– И запомните, еще раз попробуете накричать на меня, или поднять руку.

Я наклонился к уху капитана, и прошептал. – Пристрелю, как бешенную собаку.

Капитан отпрянул и оцепенел, он пробовал что то сказать в ответ, но видно нечего не приходило в голову. Я развернулся и пошагал к машинам. И так сотрудничество не удалось, но надо первым делом подумать о маскировке. А вот тут были трудности, это вам не Белоруссия, где если не лес, то все ровно неподалеку рощица. В конце концов нашлись места, там удобный кустарник, там овражек. Взяв с собой командиров танков, старшего сержанта Поплывца и лейтенанта Егорина выдвигаемся на передовую.

Вот дорожный тракт, с одной стороны поле, с другой холмы, овражек.

Может я зря наехал на комбата, но нет, тот пригорок, что он мне предлагал действительно открытая позиция, поле для обстрела как на ладони, а вот со стороны холмов мертвая зона. Вижу, как на пригорок вкатывают сорокапятку, вот неугомонный комбат не меня так артиллеристов поднапряг. Замечаю балку неподалёку от пригорка, указываю на нее лейтенанту Егорину, тот кивает головой. Смотрю дальше, показываю позицию Поплывцу, ну а сам

в резерве, это не значит, что не буду участвовать в бою, просто у меня не будет определенной позиции. Через два часа началось. Сперва появились два мотоциклиста, объезжая лужи и рытвины на дороге, они катили не спеша к нашим позициям и похоже у кого то не выдержали нервы, раздался выстрел, потом еще и понеслось. Результат, один убитый из разведчиков, при развороте мотоцикла спрыгнул с заднего сидения, чтоб подтолкнуть и тут его настигла пуля. По окопу забегал ротный.

– Кто стрелял? – Вопросал он, – говорил же, без команды не стрелять.

Но на дороге, уже появилось кое что посерьезней. Две бронемшины и два танка, Т-2 и Т-3.

Разъехавшись, они открыли огонь, в ответ заухала сорокапятка с пригорка. За всем этим я наблюдал из окопа. Близкие разрывы возле бронетехники врага, не каких результатов пока не дали. Еще одна пушечка, укрытая где то пониже попала в Т-3, но не смогла пробить броню. Тройка ударила по пригорку, и тут началось. В след за разрывом танкового снаряда последовали другие, по пригорку забила артиллерия врага. Но это было не все, часть снарядов разорвались возле окопов. Была пристрелка, я присел прикрывая голову руками. Несколько выстрелов послышалось в ответ.

Две 34, выскочив из укрытия на намеченные позиции, сделав пару выстрелов откатились назад. Тотчас, где только что они были, поднялись столбы земли, орудия противника перенесли огонь на новую угрозу. Я приподнялся и навел бинокль. Дело было сделано,

Т-3 дымил, от него волоча ногу отползал один из танкистов, опрокинутая на бок горела бронемшина, развернувшись спешно отступали танк и ганомак. Последний не успел, твякнула укрытая сорокапятка. Ганомак дернулся, и задымил. Я навел бинокль на пригорок. Тот был весь изрыт воронками, и среди них выделялось, что то бесформенное, все что осталось от сорокапятки с расчетом. Выбравшись из окопа я побежал к оврагу, где укрывалась моя Т-34.

Не добежал немного, почти пере домной возник гигантский гриб, меня отбросило.

Сколько был бес сознания, не знаю. Оттолкнувшись

рукой, я поднялся и пошагал, пошатываясь. Позади, что то гремело. Немцы обрабатывали окопы из своих гаубиц. Ко мне подбежал Иван, его я взял к себе вместо погибшего башнера и помог взобраться в танк. Глотнув из фляжки, отнюдь не воды я сказал. – Сейчас затихнет и полезут.

Так и было. Я вывел свой танк, и он покатил вдоль осыпавшихся окопов. Лишь кое где, виднелись бойцы, поправлявшие бруствер. Танк остановился. Я наполовину высунулся из башни, доставая бинокль. Рядом с окопом копошились санитары, перевязывая раненых, лежали в рядок убитые. Появился комбат, правая рука на перевязи, и глянул на меня так, будто я виноват во всем этом.

– Ползут! – Крик, заставил всех зашевелиться.

Санитары поспешно, начали оттаскивать раненых. Я же приставил к глазам окуляры, их было семь танков, среди них даже были две четверочки, серьезный противник.

Они катили не спеша: – четыре на правом фланге, три посредине. Показалась пехота, не меньше двух рот. Комбат подошел к танку и проговорил.

– Слушай ты танкист, у меня в ротах по тридцать – сорок бойцов осталось, пушек больше нет, одна надежда на вас, действуй как тебе надо.

Комбат отойдя, спрыгнул в окоп. Я же нырнул в башню и стал ждать. Первый выстрел, и Т-4 со сбитой гусеницей завертелся на месте, со вторым я поспешил, третий утихомирил подранка.

Т-34 находилась постоянно в движении, это делало нас, менее удобной мишенью и успокаивало бойцов показывая, что они не одни. Все внимание обратилось на меня, даже те коробочки, что были справа повернули к центру, а зря. Вспыхнула одна тройка, подставившая борт, потом запылаха двойка, до этого уцелевшая после первой атаки. Словил снаряд и мой,

танк, но броня выдержала. А вот ответ, прям под башню. Разрыв рядом, но ничего вот и тебе, что не нравится? Еще один Т-4 с заклиненной башей попятился назад. Атака сорвалась. Четыре танка и до взвода пехоты неплохо. Снова откатываемся в укрытие. Подошел комбат, нервно куря он проговорил.

– Думал не выдержат, побегут, а тут вы, даже не дали, толком немчуре порезвиться, в общем извини капитан погорячился. Поморщившись, он поправил перевязь на руке.

– Серьезно? – спросил я.

– Терпимо, как ты думаешь еще полезут?

– Прилетят. -Проговорил в ответ, глядя на небо, тучки по расходились.

Действительно, через час появились два звена «стервятников», и тут уж нам досталось.

Да так, что я начал молиться, близкие взрывы пошатывали машину, казалось этому не будет конца. Подойдя к окопам, точнее то что от них осталось, я понял что обороны больше нет, после налета авиации, еще раз прошла артиллерия.

Я окончательно оглох, на одно ухо. Два танка и три бронетранспортера, пехота в притык сними. Будь что будет, моя 34 пошла в атаку следом Поплывца. Третья с разорванной башней, прямое попадание бомбы, дымилась в овраге. В этот раз не ушел не один танк, добавился один ганомак, два успели улизнуть. А у подбитых машин, была свалка, рукопашная и тут я не чем не мог помочь. Оказывается от нашей пехоты, что то осталось и те вслед за нами ринулись в атаку.

Стоя на крыле машины, из ТТ отстреливал сильно рьяных. Рядом, раздалась автоматная очередь. Оглянулся это Иван срезал немца, взбравшегося на трансмиссию с гранатой. С криком вынув финку, бросился на фельдфебеля душившего кого то из наших, патроны в ТТ кончились. Немного погодя, схлопотал в ухо, ответить выпадам ножа не успел, красноармеец штыком пропорол моему обидчику брюхо, и тут же сам завалился от удара приклада по голове. Я поднырнув, всадил нож в горло тому немцу. И тут произошел перелом, враг побежал мы за ним, но буквально метров через полтора, немцы остановились, их было человек тридцать, нас с десяток.

Все запыхавшиеся в крови, уставшие смотрели друг, на друга. Пулеметная очередь, нарушила раздумье, кидаться друг на друга или нет. Т-34 Поплывца, воспользовалась разрывом между дерущимися и вклинилась в него. Оставшихся мы добились, пленных не брали. Тяжело дыша, вернулся к своей машине. Максим копался, пробуя что то сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.